

Литературный журнал любителей

БУЛЬВАР ЗЕЛЁНЫЙ

№ 3, февраль 2015 г.

Руководитель – **Виктор Власов**

Редактор – **Иван Таран**

Менеджер по работе с авторами – **Анастасия Орлова**

Общественный совет: **Пётр Кузин, Владимир Стацинский, Илья Сырьев, Алексей Шинкеев**

Художники: **Анжелика Ермакова** (обложка), **Анна Секерина**

Издательство – **Полиграфический центр «КАН»**

Тираж 200 экз.

Журнал издаётся на средства авторов. Авторы предоставляемых материалов несут ответственность за их достоверность. Точка зрения редакции может не совпадать с мнением автора. При перепечатке или использовании материалов ссылка на журнал «Бульвар Зелёный» обязательна.

16+

Рукописи, отзывы и предложения направлять по адресам:

yanataranchek@yandex.ru (Анастасия Орлова), **vicos@inbox.ru** (Виктор Власов)

Омск
2015

Содержание

Гость номера

Дмитрий Елагин: «Я живу музыкой и мечтой»	3
---	---

Раздел I. Зима

Ксения Горохова (Арзамас, Нижегородская область). Стихотворения	6
Игорь Ковров (Москва). Он и она	7
Фёдор Шилов (Санкт-Петербург). О характеристиках	9
Анастасия Орлова (Омск). Порой кажется, что наша жизнь – простая игра, шутка лукавого	11
Александр Беспалый (Омск). Стихотворения	13
Анна Вишневецки (Омск). Стихотворения	14

Раздел II. Весна

Пётр Кузин (Омск). Стихотворения	15
--	----

Раздел III. Лето

* Александр Аргунов (Череповец, Вологодская область). Маркиз и Зорька	16
* Евгений Алдаев (Омск). Аутсайдер	16

Раздел IV. Осень

Василий Костриков (Омск). В командировке	17
Михаил Козлюк (Екатеринбург, Свердловская область). Деграция	22
Максим Пичугин (Таганрог, Ростовская область). Записки юного метафизика	23
Денис Качуровский (Омск). Стихотворения	24
Зоя Городецкая (Омск). Стихотворения	25
* Андрей Барабанов (Москва). Стихотворения	26

Раздел V. В человеческих лесах

Елена Земцова-Кузина (Бельгия). Воспитание «стукачей» или граждан?	28
Виктор Власов (Омск). Произвол ЖКХ по-сибирски, или «Вор должен сидеть в тюрьме»	29

* – первая публикация автора

ГОСТЬ НОМЕРА

Анастасия Орлова, Виктор Власов

Дмитрий Елагин: «Я живу музыкой и мечтой»

Почему одним талантливым молодым людям дано выпустить свой диск и работать на радиостанции, а вторым – не особо? Этим вопросом я задаюсь вместе с Анастасией Орловой – большой помощницей журнала любителей «Бульвар Зелёный». В Омске, к сожалению, не нашли музыкантов, выпускающих диски, а вот в Нижнем Новгороде – один объявился быстро. Точнее, Дмитрий Елагин сам находит нас, посещая группу нашего журнала в социальной сети «ВКонтакте».

– Хотелось бы в журнале оказаться, – передаёт слова Дмитрия оруженосец и почти Санчо Панса – сотрудница Анастасия. – Мы с тобой, Вить, помнишь, мечтали выпустить диск с рэпом?

– Ага, помню, – соглашаюсь. Ярко представляю, как «афроамериканская женщина» Настя, предварительно обмазавшись гуталином, потрясает народ и размахивает руками в такт ритма, музыки, бьющей из колонок. Она – в штанах со свисающей до пола мотнёй, как настоящий калифорнийский Баста Раймс. Я тоже, кстати. Публика – наша целиком, кричит, улюлюкает, а мы, как белозубый и американский рэпер Снуп Дог, танцуем, поблёскивая нацепленными на руки, ноги и голову золотистыми побрякушками, народ требует нас снова и снова.

– Жгите, ребята, глаголом, как Пушкин!

Хватит про нас. Ждёт истинный рэпер изда-
лека.

Дмитрий Елагин известен под творческим псевдонимом Лито (от слов «Литой» или «Монолит»). Родился в 1984 году в городе Горьком. Ныне – Нижний Новгород. Больше 10 лет занимается рэп-музыкой (Hip-Hop культурой).

В родном городе Дмитрий знаменитый человек, поскольку, помимо музыки, он трудится ведущим на радиостанции «Маяк». В свободное от работы время музыкант записывает свой новый альбомом под названием «Дыхание Хапа». Парень имеет уже четыре сольных рэп-альбома, два музыкальных видеоклипа на собственные песни «Облака» и «Hip-Hop don't stop», он также активно выступает во многих клубах своего города.

Дмитрий – идеальный пример для подражания, ведь успешно доказал, что любая мечта может стать реальностью. В неё нужно только верить. В предвкушении знакомства с этим творческим человеком я и Анастасия Орлова решили задать ему несколько вопросов.

– Дмитрий, с чего начался творческий путь? – спрашивает Анастасия.

– В 1998 году мне в руки случайно попала затёртая до дыр аудиокассета, – признаётся музыкант. – На ней был переписанный рэп-сборник. Впервые я услышал трек гр. Bad Balance «Городская Тоска». И понял, что «Городская Тоска» меня любит. Тогда я начал писать свои первые зарифмованные тексты. Так сложилась судьба, что свою раннюю композицию записал в 2005 году. Она называлась «Спички», в ней я рассказал о противостоянии двух криминальных структур. Свой творческий путь начал с ежегодного молодёжного фестиваля уличной культуры SNICKERS URБАНИЯ, который прошёл в 2006 году в моём городе возле Чкаловской лестницы.

– А как вообще пишутся тексты для песен?

– Очень просто! Я включаю в радио наушники «минус» – музыку без

слов, и уже под эти звуки мои мысли рвутся на свет.

– Какие имеются достижения и награды?

– В Hip-Hop культуре самая главная награда – уважение. У меня есть и медаль Ветерана SNICKERS URБАНИЯ, и кубок из города Шахунья, и различные дипломы, и грамоты,

прочее. (Дмитрий наверняка скромничает – прим. авторов. – Творческих успехов и достижений у него намного больше.) Осенью 2010 года в Москве, на Ходынском поле, проходил фестиваль уличной Хип-Хоп культуры, в котором я с друзь-

рода и области, а также других городов России. Однажды из звёзд шоу-бизнеса был приглашённый гость – продюсер студии звукозаписи «Квазар Музыка» Александр Мигунов – более известный как ShaMan.

ями принимал участие. Было холодно, лил дождь, промокла вся одежда, и оборудование вышло из строя. Организаторы фестиваля решили перенести финальную битву в Подмоскovie. А мне как ветерану Хип-Хоп культуры на главной сцене вручили медаль. Вот так, простояв весь день под дождём, я получил свою первую награду. Но одно из самых ярких моих музыкальных достижений – первое место на фестивале «Новые рифмы VII» с треками «4 буквы Золотым» и «На теплоходе».

– Случались ли какие-нибудь запоминающиеся моменты в карьере?

– Как-то в нашем городе зимой проходил фестиваль Hip-Hop Fiesta в клубе Росо. После выступления, вечером, я с товарищами вышел на улицу в 22 часа, и мы пешком, чтобы не замёрзнуть, отправились в другой клуб Bessonница. Там на входе нас, рэперов в широких штанах, долго не пускали... Потом мы всё-таки прошли в клуб, заказали на десять человек одну чашку кофе и легли спать на диваны. (Улыбается).

– Весело проводите время! Какие увлечения, кроме рэп-музыки?

– Каждый вторник с восьми утра до самого вечера я работаю ведущим на радиостанции «Маяк» (http://vk.com/rar_na_radio). И уже почти три года. За это время в студии побывало множество гостей из моего родного Нижнего Новго-

– А как на радио попадают трудиться?

– Впервые на радиостанцию в качестве ведущего я попал весной 2012 года. Точнее, на передачу «Bass aNnnd Beat», в феврале 2010 года её основала Ирина Лапырина (Ира PSP). С тех пор я веду эту программу, каждую неделю сижу в студии, записываю новые эфиры. В прошлом году выпустил свой сборник «Сотка Радио Эфиров #1». Он навсегда вошёл в Базу Русскоязычного рэпа: <http://rapdb.ru>.

– Как вообще идёт подготовка к эфиру?

– Подготовка к эфиру требует внимания, серьёзной ответственности, но практически не занимает времени.

С наилучшими пожеланиями
Для любителей и писателей
«Бульвара Зелёного»
от Дм. Лито г. Н. Новгород

Зима 2015

Надо всего лишь настроить оборудование. Выставить звук, обязательно проверить, закрыты ли шумоизоляционные двери, и тогда можно приступать.

– Случались ли курьёзы во время работы?

– Самый запоминающийся курьёз произошёл год назад, когда я записывал очередной эфир на радио. После более двухчасовой работы электрики обесточили всё оборудование, и материал не сохранился. Пришлось переписывать заново.

– Хотелось бы узнать про недавно вышедший сборник.

– Сборник «Сотка Радио Эфиров #1» был рождён в стенах телецентра ВГТРК «Радио Маяк» в период с 2012 по 2014 годы. В нём приняли участие как нижегородские рэп-исполнители, так и рэп-группы из других городов.

от рэпа публики есть любимая песня, мой трек «Ветер перемен», он повествует о жителях города, ищущих себя. Познакомиться с моим творчеством предлагаю в социальной сети «ВКонтакте»: <http://vk.com/id8807405>.

– Что можно пожелать молодым музыкантам, исполнителям?

– Работайте днём и ночью, пишите, творите, не бойтесь критики, ломайте старое и создавайте новое. Я всех жду к себе в гости на радио «Маяк». Двери открыты для всех.

Лично меня поражает открытость этого творческого человека. Я ему присылаю вопрос касательно политики, но она парня не интересует. И правильно, подмечаю. Дмитрий

– Какой новый альбом готовится, и что в нём планируется?

– Мой новый альбом под рабочим названием «Дыхание Хапа» записывается более пяти лет, что придаёт ему дух целого десятилетия. Своим творчеством в нём отметились: гр. «Братья Райт», Ира PSP, Мистер Пака, Надя Непру, Саня Нос. В этот альбом будет включено повествование о тех ценностях жизни, которые в обыденности порой не заметны людям. Вообще центральная тема моего творчества – жизнь родного города во времена развала СССР. Герои – простые люди, оказавшиеся на социальном дне стыка двух эпох. У моих поклонников и фанатеющей

Дмитрий Елагин и Влад Валов (Мастер ШЕФФ)

Елагин занимается музыкой, работает на радиостанции «Маяк» в Нижнем Новгороде. Ему необходимо развивать голосовые данные и творческие. Знакомиться с новыми интересными людьми, чтобы в один прекрасный момент оказаться на большой сцене и прочитать свой рэп для огромной аудитории. К чему ещё стремиться молодому амбициозному парню – не к исполнению ли мечты?

– Чем ещё живёшь, Дмитрий? – спрашиваю уже я.

– Хороший вопрос, Вить, – задумывается рэпер. – Музыкой и мечтой!

Жду я холодного дня.
А. А. Блок

Ксения Горохова

Арзамас, Нижегородская область

Ксения Александровна Горохова. Родилась 7 апреля 1986 года. Публиковалась в литературном альманахе «Автограф», № 10 (2014 год), в альманахе «Жарки сибирские», № 15 (март, 2014 год), в литературно-публицистическом журнале «Интеллигент. Избранное», № 3 (2014 год), в литературно-публицистическом журнале Московского Салона Литераторов «Московский BAZAR», № 2 (12), 2014 год, в журнале «Начинающий писатель» (октябрь – ноябрь 2014 года), в литературном Интернет-издании «Р. С.» № 28 (июль, 2014 год). Член Международного Союза писателей «Новый Современник».

Свободный полёт души или предчувствие счастья

Диптих
I

Я больше не прячусь
за масками, стенами, болью.
Я стала собою.
От этого ярче
в душе и свободней.
И хочется двигаться вволю,
как в детстве, быть вечно довольной –
живую строкою.

II

По льду, по зимним замыслам природы,
через декабрь, январь, февраль
иду. И снова запахи свободы.
И снова в жизни света грань.
Дыхание сродни полёту птицы.
И колокольчики в душе.
Я знаю, счастье в двери постучится,
когда его не ждёшь уже.

Декабрь, 2014 год

* * *

А где-то сейчас разгорается лето,
костром до небес – ух, как жарко!
И нет нас с тобой в этом пламенном где-то.
И нет, нам нисколько не жалко
каникулы тратить на зимние страсти –

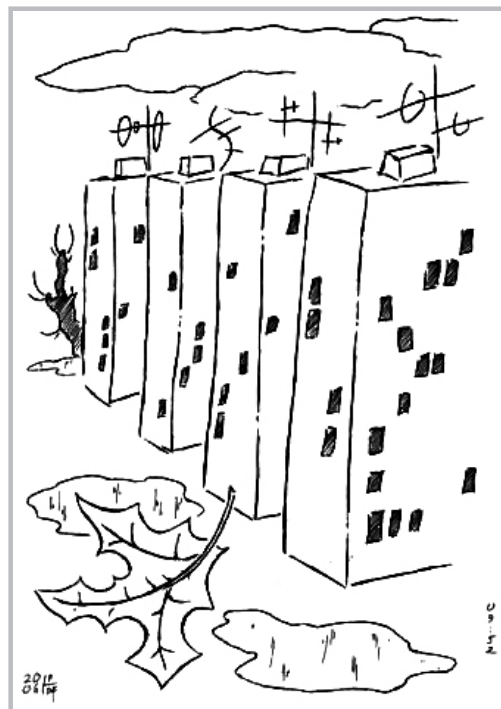

Рисунок Анны Секериной

летать на коньках, как на крыльях,
и с лыжных прогулок, как будто из странствий,
домой возвращаться. Открытки,
где сказочный мир нам так близок и явен,
на полочки ставить повсюду.
И время найти, чтобы выпить с друзьями,
но я не приду – я не буду.

А где-то сейчас разгорается лето.
А где-то, а где-то, а где-то...
Да ну перестань, я сейчас не об этом –
Зима и мороз, а мы счастьем согреты.

9 января 2015 года

Там, где пишутся стихи

Диптих
I

В этом мире кристальных ручьёв
крови вечно живой – так бывает,
бесконечное время течёт
не по кругу, а дольше – овалу.

В этом мире – дышать так дышать.
А присядешь – полёт не потерян.
Два крыла расправляет душа,
и легко, и легко без сетей ей.

II

Там, где воздух густой – что похож на туман.
(Приблизительно так, но, скорее, не так.)
Там, где, словно цветы, превосходны дома.
Там, где можно как птицам на воле летать.
Там, где камни живые и слышится мысль,
Где пространство огромное близко – вот здесь
Средь сплетения чувств и эмоций. А смысл,
Там, где, кажется, попросту нет его – Есть.

10 января 2015 года

Повод мечтать

Углом иль верхней частью стрелки
край крыши целится в небесный свод.
И снег застыл, как будто реки
молочные остановили ход.
И тень трубы – привет от солнца.
И облака – крылатые мечты.
И льда мелодия. И Моцарт.
Вчерашний день, каток и... я и ты.
Румянец щёк. Улыбки. Танец.
И звук коньков. И блеск гирлянд – полёт.
Есть повод без конца мечтать нам,
чтоб жизнь мечтой, как шар, катить вперёд.

5 января 2015 года

Всё на своих местах

Зима. Всё на своих местах.
И музыка снежинок очищает.
Зима светла, ясна, проста.
Нет у неё нисколько обещаний.

А есть цветущий белый мир –
правдивый и спокойный – гармоничный.
И я сейчас люблюсь им,
как он примерен, верен и отличен.

Как утром с вышины, с небес
струится снег и затмевает темень,
так нужно доверять судьбе,
такой, какой её Господь затеял.

Декабрь 2014 – январь 2015 года

Свой выбор

*Внутренний голос всегда прав,
стоит только прислушаться к нему.*

Ксения Горохова

1

В еловых лапах – солнца яркий луч,
и в небе прояснилось лето.
Но временной песок, как мёд, тягуч.
А я всё жду желанного момента.

2

Вот дверь. Вот ручка. Шаг – свободный ход,
рассвет, цветение, свой выбор.
Я у двери. Там – теплится восход.
И я к нему сегодня выйду.

Январь, 2015 год

Игорь Ковров

Москва

Коренной москвич. Родился в самый разгар августовского путча 1991 года. Окончил факультет психологии МГУ им. М. В. Ломоносова. Является давним поклонником футбола и японской культуры – главных тем своих произведений. Любимые авторы: Айзек Азимов, Михаил Булгаков и Николай Гоголь. Опубликовано под псевдонимом Игорь Ковров.

Он и Она

За окном неумолимо тянулся конец декабря 2014 года. Месячная норма осадков как по мановению волшебной палочки выпала за считанные дни до главного праздника страны. Толпы москвичей с покупками наперевес сновали по оживлённым улицам в надежде обеспечить подарками всех своих близких. И только пара молодых людей, выходящих из супермаркета с двумя пакетами продуктов и пятилитровой канистрой питьевой воды, казалось, никуда не спешила.

Он терпеливо нёс продукты, Она бережно держала Его под руку и шла рядом. Минуту спустя они были уже у подъезда. Звон магнитного ключа открывает дверь – и взору героев предстают

почтовые ящики. Ему важно проверить почту: уж не авторские ли это экземпляры, а может, счета за электроэнергию? Захлопнув дверцу и провернув ключ, правая рука Его вновь берётся за продукты и несёт их в пакете до лифта.

Четвёртый этаж – приехали. За углом Его дом. Продукты снова на полу, раздаются последовательные повороты ключей в замках – двери открыты. Она входит внутрь под писк охранной сигнализации. Пара мгновений – двое в безопасности и предоставлены сами себе. Становится жарко: время снять верхнюю одежду и обувь. Она кокетливо отдаёт Ему свою куртку, проведя указательным пальцем по Его носу.

Тапочки надеты, провода гости в ванную комнату осуществлены. У обоих чистые руки, скоропортящиеся продукты занимают своё место в холодильнике. Двое на минуту замирают, глядя на себя самих в зеркало. Его руки нежно и тепло обнимают Её талию, а Она, в свою очередь, держит Его за шею и гладит по плечам. Самое время создать нужную атмосферу уюта и романтики.

Он открывает ящики с виниловыми пластинками в поисках нужного альбома. Наконец, чёрный плоский эллипс ложится на вертушку, и после мягкого касания иглы звучит саундтрек из кинофильма «Криминальное чтиво». Пока играет музыка, Она, присев на диван, играет с плюшевым Тоторо из мультфильма Хаяо Миядзаки. В эти минуты Он ходит по комнатам с кувшином в руках и поливает цветы.

Все цветы политы аккуратно к началу песни группы URGE «Girl, you'll be a woman soon».

Его ладонь мягко касается её пальцев, приглашая на танец. Они кружатся по комнате под звонкий и брутальный ритм легендарного хита: Его рука обхватывает Её талию, а Она держит Его за шею. Глаза их смотрят сквозь друг друга, выражая искренний и страстный взгляд. Губы стремятся всё ближе друг к другу, пока расстояние между ними не сокращается до минимума. Он решает обласкать Её нежную щёку, скользая поцелуями вниз к шее. В этот момент определённая искра устремляется между героями, когда Она словно просыпается от каждого касания Его губ. Они устремляются в спальню, оставляя пластинку доигрывать.

Постель аккуратно разобрана. Наполненные до краёв страстью, долго дремавшей внутри их юных душ, двое медленно раздевают друг друга, не переставая ласкаться.

Оставшись в одном белье, Он и Она ложатся на подушки. Им очень мягко и нежно вдвоём, когда они чувствуют собственной кожей молодые тела друг друга. Она решает Её поцеловать, неуклюже взгромоздясь на Его живот и одновременно прижимаясь всеми фибрами души, каждой клеточкой своего юного тела к Его рельефному торсу.

Сладкий поцелуй и шёпот, слышимый только им двоим. Ловкие пальцы, расстёгивающие нехитрый замок на Её лифе. И уже самым нежным своим

местом Она касается объекта своих воздушных, неподдельных и таких ранимых чувств, согревая Его теплом холмиков, касание за касанием.

Они решаются перевернуться. Он спускается чуть ниже, и от ласкания Её лица переходит к плечам и возделенной груди. В каждом движении Его языка, в каждом поцелуе чувствовались долгие душевные переживания и мечты, связанные с расстоянием, обстоятельствами и былой невозможностью быть рядом с Ней. Зато сейчас Он обладает Ей, Он способен выразить всё, что может и должен, раствориться в Её красоте. Впитать Её красоту через мягкие ласки её сосочков, как когда-то теми же движениями впитал молоко матери...

Она хочет почувствовать Его, сильного и нежного с ней в эти минуты. Как бы хотелось, чтобы время тянулось медленнее. Время разбудит хвостатого зверя, мирно спящего на Его поясе. Он безоружен перед Ней, Он в Её власти – самое ценное и дорогое, делающее мужчину мужчиной, сейчас в Её руках. После некоторых усилий Он чувствует себя могучим, а Ей нравится играть с Ним и особенно той загадочной Его частью. Бельё на полу. Его рука тянется к тумбочке у изголовья.

Ловким движением Им открывается упаковка презерватива, словно чайный пакетик.

Его, а значит, и Их общее сокровище под надёжной защитой. Она приседает...

Ей больно и приятно одновременно. Она чувствует Его, Он чувствует Её изнутри и помогает Ей двигаться в нужном темпе. Они похожи на вечный двигатель, придуманный самой природой. Время от времени Она наклоняется к Нему, чтобы поцеловаться и признаться в любви. Ведь никогда прежде они не были так близки друг к другу, как сейчас... Им хорошо вместе, а финальный аккорд их любовной мелодии звучит мягким акапелло вполголоса. Поцелуй, всё ради любви...

Отдохнув немного, герои ощущают чувство голода. Они решают одеть лишь бельё и в тапочках следуют на кухню готовить себе ужин. Спагетти варится в половине литра воды, жарится полкило мясного фарша, добавляются морковь и лук. После успешной игры в повара двое вкушают настоящих макарон по-флотски. По телевизору в этот момент может идти что-нибудь предновогоднее и создающее предпраздничное настроение. Они ещё долго не одеваются, пока моется посуда и убирается постель...

Её новогодний подарок – у Него. Его – у Неё. Они стоят друг напротив друга в вестибюле метро, чтобы расстаться перед новой встречей в Новом Году. Их глаза полны нежности, губы шепчут признания. Они любят друг друга и будут ждать всё это время, пока не встретятся вновь. Наступит 2015 год, в который они войдут вместе, поздравив друг друга перед боем курантов. Он и Она. Вместе.

Москва, ноябрь 2014 года

Фёдор Шилов

Санкт-Петербург

Фёдор Михайлович Шилов. Родился 4 марта 1986 года. В 2005 году окончил Медицинский колледж им. В. М. Бехтерева, а в 2013 году – Санкт-Петербургский Государственный Педиатрический Медицинский университет. В настоящее время является ординатором кафедры судебной медицины Военно-Медицинской Академии. На досуге пишет стихотворения, прозу и песни. Ведёт литературный кружок «Оранжевый клевер» при Центральной библиотеке Красносельского района.

О характеристиках (юмористический рассказ)

В кабинете Олега Игоревича Вывертова отчего-то всегда было пыльно. И не важно, войдёте ли Вы туда с утра, до начала трудового дня, или вечером, перед его окончанием; после влажной уборки, проводимой старательной техничкой Зиной ежедневно, или в часы, когда помещение остаётся без её надзора; во время проветривания или в миг, когда оконные створки плотно сомкнуты. Летом ли, зимой ли, когда угодно, кабинет оставался пыльным. Пыльным настолько, что, войдя, Вы непременно подумаете, что здесь долго и непрерывно курили, но, не почувствовав характерного запаха табака, измените своё мнение.

С тех пор, как стал начальником Предприятия, Олег Игоревич заимел наисквернейшую привычку окружать себя бумажными папочками с тряпочными завязками и толстенными томами, любовно обложенными листами выцветшей периодики, словно нарочно сохранённой с достопамятных времён, чтобы скрывать названия книг, ибо названия подчас сообщают о читателе лишнее, толщина же – никогда.

Долго можно размышлять о степени образованности пыли в кабинете Олега Игоревича, но тот факт, что она была падка на жёлтую прессу, абсолютно бесспорен. Проверять содержимое многочисленных папок тоже, вероятно, входило в её обязанности, и выколотить дотошную, с позволения сказать, комиссию, ведущую важнейшие переговоры между исписанными листами, отнюдь не ленивой уборщице было не под силу. Да и не того полёта она птица, чтобы начальственной пыли на дверь лишний раз указывать!

Была, помнится, попытка переселить начальство из пыльного кабинета в кабинет просторный и светлый, но, как на грех, подходящего помещения, нуждающегося в экстренном захлавлении, не оказалось, и главу Предприятия оставили на прежнем месте с тем же бережным

почтением, с каким принято блюсти сохранность местоположения бюстов Ленина.

Скажем откровенно – о внутренностях папок и содержании книг, обёрнутых в отшумевшие тысячу лет назад новости, ни одному из сотрудников Предприятия ведомо не было. Прохаживались среди народа слухи, что хозяину кабинета – тоже. Поговаривали, что всю эту орду пылеглодателей Олег Игоревич натащил на рабочее место исключительно для усиления значимости Предприятия в целом и себя как его основного представителя в частности.

К слову, всё, чем занималось Предприятие, легко умещалось в одной тоненькой брошюрке, содержащей устав фирмы, инструкции по технике безопасности, режим труда и отдыха и цветную вкладку с рекламой местного крематория, не имевшего, кстати, никакого отношения к описываемой структуре. Вероятно, кремирование здесь ценилось выше премирования, но об этом чуть позже.

Брошюра неприметно и скромно покоилась у каждого сотрудника на столе, не пылила и на звание многотомника не претендовала.

Ещё более злые языки к высказываниям о бесполезности начальственных книг и папок смели добавлять реплики о бесполезности и самого начальства. Мол, из такого, сколько на лошадь ни сажай, сколько шашек в руки ни вкладывай, полководца не выйдет. Хоть к ткацкому станку отправь, хоть на пашню, хоть в трактор, хоть к иному благородному труду приладь, а всё одно будет создаваться ощущение, что не руководит он, а в провинциальном театре в искромётный фарс на главную роль пробуетея.

– Не беда и совсем без начальства, – возмущались особо говорливые, – не пропали бы!

Но, поразмыслив, что в организации без руководителя непонятно, на кого сваливать вину, прекращали на время свои сетования и откладывали бунтарские настроения. Опять же, если не будет основного лица на Предприятии, чей портрет вешать над входом? А этот аргумент, знаете ли, весомый!

Справедливости ради стоит отметить, что к сотрудникам Вывертов не лез, жизнью их – ни рабочей, ни личной – не интересовался и вообще был мужиком милым и безобидным, да вот беда: при всей внешней бутафорскости правом голоса и подписи обладал взаправдашним.

А тут вдруг возьми да случись внезапная радость – Город премию пообещал старательнейшему и достойнейшему работнику Предприятия. Пятнадцать лет не обещал (о том, чтобы давать, речи и вовсе не ходило), а тут на тебе – клятвенно божился и даже откровенно поведал, что под это поощрение прописана специальная статья расходов в бюджете. Отдельно просил, чтобы абы кому про данное обещание не рассказывали. Шутка ли – быть тем самым избранным, кому премию пообещали?! Ни гу-гу чтобы лишним, а то впредь ни единого вам обещания – сидите,

как неприкаемые, без премий и без наших городских о них разглагольствований.

Ответственный и деловой секретарь Олега Игоревича Ростислав Вячеславович Толково-Расстановский свою кандидатуру было выдвинул, но, взвесив всё хорошенько, понял: раз город обещание лично через него передавал, стало быть, само денежное довольствие – не его удовольствие. Он прямо слышал, как Город ему выговаривает:

– Ишь, чего удумал! И обещание – ему! И премию – ему!

Город-то хитёр. Он же не так просто дотацию выпишет, он сначала с характеристикой кандидата ознакомится. А за характеристикой надо Ростиславу Вячеславовичу к начальству идти. Ох, и не любил секретарь к Вывертову в кабинет ходить – не из-за пыли даже, пыль-то она лежит себе ровнёхонько или в лучах ультрафиолетовых греется, а Олег Игоревич, тот, напротив, едва дело о характеристиках затевалось, приосанивался, наполнял свой официальный рабочий костюм неимоверно значимым содержанием, за перо хватался... А люди потом – за сердце.

Сегодня, идя по знакомому коридору, секретарь сиротливо пожимал в руке список возможных кандидатов, а в кармане нервно поглаживал список их достоинств. Ни тот, ни другой – чуял, да что «чуял», знал почти наверняка Толково-Расстановский – не пригодится. И как в воду глядел.

– Ну-с, дорогой Вы мой, давайте писать, – Олег Игоревич потёр руки так, словно кузнецкий молот собрался ухватить да выковать не что-нибудь, а статую Ники Самофракийской. Впрочем, с него станется, он сейчас языком такую Нику выкует, полную сплошных побед и достижений!

Ростислав Вячеславович подобрался, поднатужился, как штангист в приседе – ещё бы, ему выкованную начальством Нику на своём горбу из кабинета тащить!

– На кого, – спрашивает, – писать станем?

– А вот на него и станем, – отвечает начальство и наугад в какой-то список тыкает, – на Водопьянова!

Толково-Расстановский икнул и почувствовал, как у него из глаза монокль выпал. А ведь монокль он сроду не носил!

На Водопьянова! Тут не только несуществующий окуляр отлетит, тут глаза в руководственную пылицу плюхнутся!

– Отчего же, – храбрясь, интересуется Ростислав Вячеславович, – именно на Водопьянова?

– А что ж он, не человек? – задорно интересуется начальство.

– Человек... – отвечает секретарь, но как-то неуверенно. Сомневается!

– Или не сотрудник Предприятия?

– Ох... – вырывается болезненный стон из самых сокровенных недр секретарской души, – сотрудник...

И так ему муторно становится, что обещание премии, а – не дай Бог – и сама премия Водопьянову перепадут!

– Пишите, Ростислав Вячеславович, – распоряжается Вывертов, – «Характеристика на Водопьянова...», – и глазом под пальцем, наугад тыкнувшим, шурует, чтобы имя с отчеством отыскать, – Григория Степановича.

– Он же пьяница...

– Что ж, по-вашему, пьяница не человек? – снова весело вопрошает начальство.

– Человек... – бормочет Толково-Расстановский, а сомнения так и гложут.

– И не пьяница, будем говорить, а де-гус-татор. Это же благороднее звучит, не находите? Откуда бы мы ещё узнали, что можно пить, а что пить не следует? Пишите: «Надёжный товарищ, всегда готовый принять...».

– На груди! – истерически выкрикивает секретарь.

Но начальство с толку не собьёшь:

– «...удар на себя»!

– О, Боже! Он же недавно наговорил всяких гадостей и грубостей нашему ведущему партнёру! Мы чуть не лишились лучшего поставщика!

– Так-с, так-с, – словоерствует начальство в раздумьях, – напишем: «Блестящий оратор...».

– В его речи мат на мате!

– «... и знаток национального фольклора»!

– Поймите же! Ему нельзя обещать премию! Он её пропьёт! У него других интересов вовсе нет!

– Так и запишем: «Имеет устойчивые идеалы, целеустремлён, принципиален».

– Как можно премировать человека, у которого вчера – наливка, сегодня – пиво, завтра – водка?

– Запишите: «Постоянно совершенствует профессиональные навыки, уверен в завтрашнем дне, твёрдо стоит на ногах»!

– На ногах он еле держится!

– Хорошо, тогда про ноги вычеркните!

– В прошлом месяце он ударил нашего курьера!

– Пишите: «Владеет...».

– И сломал ему челюсть!

– Тогда: «В совершенстве владеет доступными методами невербального общения и успешно применяет их на практике».

– Господи! Три дня назад он устроил дебош прямо в рекреации главного здания Предприятия!

– Запишем: «Активно участвует в культурно-общественной жизни»!

– Культурной? Да в тот момент из всей культуры в холле была только «Маха Обнажённая» Франсиско Гойи, да и то потому, что её изнаночной стороной повесили!

– Но народ-то был?

– Почти весь коллектив собрался!

– Хорошо уберите «культурную», напишите просто – «общественную».

Ростислав Вячеславович особенно рьяно сжал в кулаке список достойных кандидатов. Так рьяно, что из него аж вода полилась, при ближайшем рассмотрении оказавшаяся потом с рук самого Толково-Расстановского.

– Олег Игоревич, – мягко и почтительно заикаясь, завёл секретарь, – давайте другие кандидатуры рассмотрим...

– Какие, например? – изумлённые брови начальства потревожили летающую вокруг пыль, та недовольно встряхнулась, но, обладая характером покладистым и незлобивым, быстро осыпалась на место.

– Прекрасный кандидат – Пётр Владимирович Семейный. Женат, восемь лет в браке, имеет троих детей.

– Вот-вот, такому только дай премию, он и рад будет стараться! Четвёртого, и пятого, и десятого ребёнка заведёт. А виноваты мы – разбаловали!

– Хорошо. Может быть, тогда Всеволод Анатольевич Воевода? Трудолюбивый, ночи напролёт на работе, спины не разгибает, инициативный, способный, молодой!

– Это плохо!

– Что плохо?

– Всё плохо! Казённое электричество по ночам жечь – не дело! Небось, на десяток премий нам убытков доставил. И спину не разгибает – а мы потом ему матрасы ортопедические оплачивай да санаторно-курортное лечение! А то, что способный, молодой, инициативный – только похвали, живо на моё место метить начнёт.

«Поздно, – думает Толково-Расстановский, – туда уже я мечу!»

– Тогда Евгений Леонидович Старов? Пятнадцать лет нашему Предприятию посвятил...

– Опять не то! Получит премию да помрёт от радости! А нам с похоронами возиться!

– Николай Петрович Красивцев! У него лицо одухотворённое, обаятельное, улыбка не сходит!

Доброжелателен с коллегами и клиентами, не пьёт, не курит, спортсмен!

– Вот и поди-угадай, что у такого мерзавца на уме! Улыбается, а сам, думает, как бы в рот к начальству с бормашиной залезть, да без анестезии! Лицемер и притворщик!

– А Водопьянов? Водопьянов Ваш? Он что, лучше их всех? Достойнее? – не выдерживает Толково-Расстановский.

– Лучше, Ростислав Вячеславович! Лучше! И понятнее, и проще, и однозначнее! Пусть пьёт, дебоширит, дерётся! Зато мы знаем, чего от него ожидать. Такой работник нам сюрпризов не подкинет! Характеристика – это у нас что?

– Что?

– Характеристика на человека – это как меню трапезного ресторана: чем меньше ассортимент, тем красочнее описание. Побольше масла, укропчиком припорошите, чесночка добавьте и – опаньки! – были пельмешки обычные, стали пельмешки знатные! А сметанки ложечку сверху – так кушать подано! – извольте царские отвежать! Учитесь, Ростислав Вячеславович!

И написали они характеристику на Водопьянова. И пообещали Водопьянову премию – торжественно пообещали на городском уровне, даже руку пожали.

– Гордись, – сказали, – таких ценных обещаний теперь ещё лет пятнадцать не предвидится!

И Водопьянов гордился обещанием, полученным на городском уровне, а характеристикой своей, долго висевшей потом в рамке там, где прежде «Маха Обнажённая» была, тем паче!

Анастасия Орлова

Омск

Анастасия Юрьевна Орлова. Родилась 20 августа 1987 года в Барнауле (Алтайский край). Журналист. Футбольный аналитик. Менеджер по работе с авторами в журнале любителей «Бульвар Зелёный».

*Порой кажется, что
наша жизнь – простая
игра, шутка лукавого...*

Задумывались ли вы когда-нибудь над тем, зачем мы живём? Достаточно ли ценим свою жизнь? Что оставим после себя? И нужно ли вообще что-то оставлять? Я задаю себе тысячи подобных вопросов, но не могу найти ответов. Пока всё хорошо и правильно, мы не предпола-

гаем никакой трагедии. В жизненном водовороте негативные мысли не посещают. И кажется, что будем жить вечно, чувство опасности притуплено. Но рано или поздно нам придётся платить по счетам! Порой очень дорогой ценой! И тогда наши надежды разбиваются о суровую действительность...

Кто-то уйдёт неожиданно не своей смертью, успев хорошенько разочароваться в жизни, своём окружении, кто-то чуть позже, в старости, кто-то покинет этот мир в зените славы, а кто-то последним человеком для общества... Путь каждого предопределён. Никуда от него не спрятаться, не скрыться.

Мы начинаем задумываться о подобных вопросах, о смерти, ином мире и о том, что ждёт нас там, когда действительно стоим на краю пропасти, попадаем в тяжёлые жизненные ситуации, из которых просто нет выхода, кроме самой смерти. Ищем спасение у других людей, просим прощения у Господа в надежде, что Он простит нам грехи, облегчит мучения. Пробивая дорогу в Царство Небесное, мы стараемся быть другими людьми:

Рисунок Анны Секериной

добрыми, отзывчивыми, умеющими понимать и помогать...

Когда мой отец неизлечимо заболел, я научилась смотреть на непримиримого соперника — Смерть! На что надеялся тяжелобольной отец, когда знал, что та крадучись дышит ему в затылок? Что чувствует брошенный, голодный малыш, которому осталось жить считанные минуты? О чём молит жертва пред казнью, когда к её виску прикасается холодное дуло револьвера? Порой кажется, что наша жизнь — простая игра, шутка лукавого...

Я не была примерным человеком. Я всегда жила в своё удовольствие. И за свою короткую, но насыщенную жизнь успела приобрести множество врагов. Моя неидеальная, местами скомканная, слепленная на скорую руку судьба — обычное противостояние, борьба с самой собой, со своими слабостями, болезнями и недостатками, со своим гордым нравом.

Я была такой же, как и многие. Если не сказать, что хуже. Я писала, творила, страдала дурью, знакомилась с новыми людьми, гуляла — жила неумючи, неуклюже, как неопытная молодёжь в эти годы. Бывало, бездарно прожигала свою жизнь в сомнительных компаниях, а безжалостное время шло, оставляя за собой годы. Не верила, что со мной может случиться плохое. Однажды я исчезну из этого мира и уже никогда не увижу утренний восход на берегу любимой реки, держа в руке недопитую бутылку шампанского...

Произошло непредвиденное. По закономерности всё свалилось неожиданно. Я совершила

роковую ошибку и впала в кому. Мой организм из последних сил отчаянно боролся, как сами врачи за моё спасение, выздоровление. Тогда казалось, что кто-то или что-то не хотели отпускать меня, моля Господа и намертво вцепившись в мою измотавшуюся душу. И я осталась. Выжила.

Когда умер отец, я не успела с ним попрощаться, поэтому в душе осталось чувство недосказанности, глубокий осадок. Что мог сказать отец с потухшим огоньком в глазах, уходя в последний путь? Уже сегодня смогли ли мои родные простить ту ошибку, которую я совершила необдуманно? Почему так щедро поставила на кон свою жизнь?

В те минуты ангелы и демоны между собой заключили пари, решив сыграть очередную партию в покер. Неизвестно, куда бы склонилась чаша весов, если бы Джепот одержали чёрные силы. Что я оставила после себя? Кто вспомнит о моём творчестве? В сердцах моих родных, друзей память обо мне греет душу, и, наверное, там бы я жила какое-то время. Может, даже вечно. Возможно, кто-то из них, выкидывая ненужные вещи, нашёл бы в пыльном углу мои старые публикации из газет, перечитал бы их. Или одним таким одиноким вечером мама открыла бы мой школьный альбом с фотографиями...

Я знаю, что после моей смерти ничего не случится в жизни окружающих людей. Мир не остановится и не изменится. Земля не перестанет вращаться вокруг своей оси. Звёзды будут сверкать ещё ярче, чем прежде. Человечество будет вставать ранним утром, готовить завтрак и, почитывая в Интернете свежие новости, спешить на работу, стоять в очередях, нудно ожидать битком набитый транспорт... Весь день, а то и ночь оно занято своими делами.

В мире будут рождаться люди и умирать, влюблённые встречаться, создавать семьи и расставаться, кто-то получит долгожданное повышение на работе, а кто-то потеряет кошелек, или его обкрадут, где-то будут вестись войны, кто-то будет стрелять, люто ненавидеть, ломать, и кто-то начнёт кого-то уважать, найдёт нового друга, благополучно изобретёт что-то новое... Пройдёт время, и все забудут обо мне, как о фантастической, интересной книге, вовремя поставленную на полку.

Я не заслужила милосердие со стороны небесных сил. Я грешна. Но Господь оставил меня, давая второй шанс для исправления. Значит, моя миссия ещё не выполнена на Земле... Я оглянулась назад и увидела, что всё построенное рассыпалось словно карточный домик. Я ничего не успела... Сколько мне предстоит исправить, сделать полезного? Ведь я тоже вовремя могу помочь такому же потерявшемуся, заблудившемуся в дебрях жизни человеку.

Александр Беспалый

Омск

Александр Владимирович Беспалый. Родился 8 июля 1987 года в Омске. Учился в школе № 162 (9 классов), в ПУ-2 (профессия – автомеханик), в ДШИ № 4 (хоровое пение). Поставлен голос. Александр является участником хоровой группы народного ансамбля песни и танца «Метелица» (уже 12 лет). По специальности не работает. В данный момент вы видите два его абсолютно новых произведения, написанных в конце декабря 2014 года...

* * *

Зимой так скучно, и не всегда бывает весело,
Зато не жарко, солнце светит, но не греет,
На все деревья белый снег зима повесила,
И не от солнца, а от утренней прохлады сердце
млеет.

Встаёшь неспешно, долго, очень тяжело,
Ещё лежишь в постели, смотришь в потолок,
Кидаешь взгляд на лица тех, кому уж нелегко,
Но понимаешь, что здесь прожить ещё бы долго
смог.

А сквозь решётку солнца пробиваются лучи,
Играя бликами по грязному бетону,
А ты лежишь, смотря на это, и молчишь,
И лишь во сне чужие слышатся мне стоны.

Вдруг резкий гул, и закрипела дверь,
Стоит парнишка в камуфляжной форме,
Кричит – Подъём! И мне, и всем теперь
Уж не до сна, мы все как будто в норме.

Выходишь с камеры, становишься у стен,
Последний раз смотря на лица тех, с кем рядом
был,

Сегодня мне, как и другим, приговорён
расстрел.
Идёшь в последний путь... Мой час пробил...

Рисунок Анны Секериной

* * *

Сижу и жду, когда в мой мозг войдёт стрела,
Выпущенная из арбалета чьим-то пальцем,
И перед глазами жизнь моя картинками прошла
Иль пробежала серым быстрым зайцем.

По жизни приходилось мне грешить,
Не убивал, конечно, я людей, но всё же,
Кто был слабее, тех сумел я пережить,
Но эта мысль ни капельки меня не гложет.

Я вспоминаю также тех, кто помогал,
Кто рядом был, когда метели бушевали,
Кто, несмотря на всё, меня не сдал,
Хотя ему за это денег предлагали.

Кто неподкупен, честен пред собою был,
Таких немного в моей жизни побывало,
И я смогу сказать, что не напрасно жил.
Моих друзей, как и меня, жизнь помотала.

Давай, стрелок! Вонзи в меня стрелу!
Я подготовился давно, и лишь на миг
Последний раз ты подведи меня к окну.
Хочу услышать матери родной я крик.

...Браслеты сняты, я сижу на стуле,
Смотрю вперёд и вижу пустоту,
Стрела пошла... Так быстро, словно пуля.
Ещё немного, и я всё, умру...

Анна Вишневски

Омск

* * *

Уснул... Устали оба...
Таких уставших в мире – ноль.
...Не мы ль с тобой клялись до гроба?
Рука в руке... не мы ль с тобой?..
Так много лет в прощальном вальсе,
Там столько дат, там столько зим.
...Не нам ль с тобой сулили счастье?
Не нам ль сей день невыносим?
Так странно... ёлки, снегопад,
Гирлянды в окнах, запах хвои.
...Не ты ль мне был безумно рад?
Не ты ль хотел прожить со мною?
Назавтра праздник, а сейчас,
Смотря, как суетятся люди...
...Не я ль свести не смела глаз?
Не я ль боялась, что разлюбят?
И ни к чему весь Новый год!
Мешки завязывая туго,
Кричим в два голоса: «Развод!»
И не желаем знать друг друга.
Слова обидней, резче фразы,
Никто не выбирает тон,
Чёрт побери... мы делим вазы,
Друзей и старый телефон,
Мы не нуждаемся в опеке,
Нас не смягчит курантов бой
...Не мы ль с тобой клялись навеки?
Рука в руке... не мы ль с тобой?

Рисунок Анны Секериной

* * *

Зализала, как кошка, раны,
Заточила острее зуб;
Так сейчас не хватает мамы,
Чтобы выпустить с глаз слезу.
И к дверям, твёрдой походкой,
Двухпудовые сумки таща;
От любви похмелиться б водкой,
Как таблетками натоцак.
От тебя уходя по кругу,
Отдышаться – чтоб потрезвей;
Мне бы встретить сейчас подругу,
О судьбе чтоб поведать ей.
Но давно я не видела маму,
И подруга сто лет мне враг,
Оттого, зализавши рану,
По ступенькам иду назад...

Уважаемые читатели!
Приглашаем всех к изданию журнала.

Ваш авторский взнос составит
– за 1 колонку поэзии (50 стихотворных строк) – 200 руб.;
– за 1 страницу прозы (4500 знаков с пробелами) – 600 руб.

Цена одного экземпляра – 150 руб.

РАЗДЕЛ II. ВЕСНА

*Я был в глубокой тьме, моя душа спала,
Но задрожала мгла, когда весна пришла.*
К. Д. Бальмонт

Пётр Кузин

Омск

Пётр Александрович Кузин. Ветеран Великой Отечественной войны, ветеран труда, сирота ВОВ, писатель и поэт. Литературным творчеством начал заниматься, когда ему исполнилось 76 лет. За четыре года вышли из печати десять книг прозы и две книги стихов. Ещё семь находятся в издательствах. В своих произведениях он много пишет о ветеранах и сиротах войны, тружениках тыла. Поэтому тема войны, послевоенное время для него незабываемы и трагичны. Пётр Александрович проводит много встреч с молодёжью в лицеях, колледжах, общеобразовательных школах. Печатался в журналах: «Бульвар Зелёный», «Иртыш – Омь», «Преодоление», в альманахе «Тарские ворота». В коллективных сборниках: «Живая нить памяти», «Наше наследие – фронтовые письма», «Отицы нам завещали жить», «Часы нашей судьбы, свидетели и суды». Большие 20 раз печатался в областных, районных газетах. Его творчество оценили в Москве. О нём повествуется в своей книге «Другое дело» Владимир Яковлев. В ней повествуется о людях преклонного возраста, достигших заметных успехов в жизни. Из 32 участников только пять человек из России. Трое из Москвы, одна из Саратова и Пётр Александрович из Омска. Книга переведена на многие языки мира.

В память об отце

Схожу с отцовского крыльца,
молчание храня.
Годами старше стал отца,
он защитил меня.

Давно закончилась война,
жена супруга ждёт.
А вдруг напутала она,
и муж её придёт.

Мать умерла в расцвете сил,
в неполных сорок лет...
Я жизнь и за неё прожил,
не слышал слово «нет».

Из трёх сынов (сердца, сердца!)
остался я один.
И много лет я ждал отца,
не избежал седин.

Я жил спокойно и не зло,
знал, встречу я потом.
И, наконец, мне повезло,
я встретился с отцом.

Есть в Новгородской стороне
старинный город Холм.
Остался батя на войне,
В сорок втором лихом.

В Холме – плита фамилий, дат,
и я отдал поклон.
Пять тысяч там лежит солдат,
и вместе с ними он.

В надгробье памятник стоит –
солдат сжал автомат.
То единенья монолит,
как много лет назад.

И город Омск, и город Холм
связал собой отец.
Я вижу в памятнике том
отцу святой венец!

Годами старше стал отца,
он защитил меня.
Схожу с отцовского крыльца,
молчание храня.

Муравейник

Стоит в лесу «стожок» с полметра –
Жилая площадь муравьёв.
Он защищён от стужи, ветра,
От хулиганов – воробьёв.

Здесь каждый день по распорядку:
Чуть свет – подъём! – и за дела.
Им тут и завтрак, и зарядка
С познанием добра и зла.

Тут все при деле, по минутам:
Нашёл, принёс и в путь опять.
И не понять куда – откуда
Спешит бесчисленная рать.

Учиться нужно у природы
Тому, что – труд, и что – семья.
Горжусь за прожитые годы –
Учился я у муравья.

*На землю розовое лето
Закатным скипетром легло.
С. Малларме*

Александр Аргунов*

Череповец, Вологодская область

Александр Алексеевич Аргунов. Родился 9 января 1963 года в городе Балашиха Московской области. В 1985 году окончил Череповецкое высшее военное инженерное училище радиоэлектроники. Военный пенсионер.

Маркиз и Зорька

Маркиз, кот чёрный, смел и ловок,
С манишкой белой на груди,
Любил ловить мышей-полёвок,
Которых было пруд пруди.

При майском утреннем терроре,
Закончив делать свой обход,
Маркиз уселся на заборе
Почистить спинку и живот.

По улице пастух гнал стадо.
И в нём красавицей слыла
Корова Зорька – дней отрада,
Не шла – лебедушкой плыла.

Окинув Зорькину фигуру,
Узрев прекрасные глаза,
Был поражен Маркиз Амуром –
И отказали тормоза.

Он замяукал так надрывно,
А лапки к сердцу прижимал,
Орал так долго и противно,
Что стоило б замять скандал.

Корова подошла к забору,
Кота лизнула между глаз:
«Не март сейчас – не надо ору,
Не мучай ты себя и нас!».

Маркиз же млея в любовной страсти
И щёки Зорьки в лапы взял,
Презрев все беды и несчастья,
Он тёрся носом и урчал.

И нежная душа коровья
Вдруг воспарила в небеса!
Забылись муж, подруг злословье,
Исчез весь мир – поля, леса,

Лишь кот Маркиз, корова Зорька,
Стремглав носились в облаках
И целовались! (К чёрту Борьку!
Всю жизнь томлюсь в его рогах!..)

Встречались дважды в день украдкой
(Забор в том месте не зарос):
Маркиз держал на щёках лапки,
А Зоренька лизала в нос.

Но в нашей жизни всё не вечно,
И осенью Маркиз пропал.
Но слышал я, что кот беспечный
На Борькины рога попал.

Забыт был кот совсем не скоро.
Всё скрылось в снега пелену,
Но слышно было у забора
Протяжно-горькое «Му! Му!».

Евгений Алдаев*

Омск

Евгений Николаевич Алдаев. Родился 25 сентября 1985 года в Омске. Окончил Омский государственный педагогический университет. В 2014 году выпустил свой первый роман «Новая жизнь».

Аутсайдер

Старый конь нёсся с сумасшедшей скоростью по беговой дорожке Городского ипподрома, ударя копытами о землю. Пыль забивалась в глаза жокею, для которого эта гонка могла стать решающей в его жизни. Пыль от впереди бегущих коней закрывала дорожный просвет, мешая жокею правильно ориентироваться в пространстве. Он много лет ждал эту гонку, чтобы победить. Однако, такое положение дел давало ясно

понять, что ему суждено проиграть в очередной раз. Они были явными аутсайдерами на этом ипподроме.

– Давай, вперёд, старая кляча! – кричал жокей, сильно ударяя ногами по бокам коня. Но в ответ было слышно до боли знакомое фыркание, которое означало, что можно уже сбавить темп и спокойно идти до последнего места.

Трибуны в один голос кричали: «Фу-у-у» проигравшему жокею. И кто-то из зрителей кинул гнилое объединённое яблоко в его сторону.

– Ну, вот и всё, кажется, добегались мы с тобой, – обращался жокей к коню, – столько тренировались, старались, не ели, не спали, и всё это было зря. Всё впустую. Проиграли. Посмотри, как на нас презрительно смотрят зрители, и видишь, какая слава достанется победителю: цветы, медаль и кубок. Тот победитель получит много-много вкусного овса, когда придёт в своё стойло. А нам с тобой, старая кляча, опять придётся жевать то прошлогоднее полугнилое сено. Да, да, прошлогоднее, на большее мы с тобой сегодня не заработали.

Рыжий конь понимал жокея и виновато спустил голову, еле слышно фыркая в ответ. Жокей слез с жеребца, отвесил пощёчину коню и медленно повёл его с беговой дорожки.

– Ах, ты ещё хромать смеешь, старая кляча, – злобно сказал жокей, заметив, что конь откровенно прихрамывал. – Может, тебя на мясо отдать, в скотобойне от тебя больше пользы будет, это точно!

Подойдя к конюшням, жеребец остановился и от усталости упал на землю, тяжело задышал. Он понимал намёк жокея, и не было смысла что-то делать дальше. Зачем было идти, если ему, старой кляче, была уготована судьба колбасы? Из глаз коня медленно потекли слёзы.

Жокей, успокоившись от поражения, осознал, что в этом проигрыше на беговой дорожке есть и его вина. Сев на лежащего жеребца, жокей закурил и понял, какую боль причинил старому коню. «Если бы со мной обошлись так же?» – думал про себя жокей. Докурив сигарету, он повернул свою голову в сторону конской морды.

– Ладно, хрен с ней, с этой победой, ты – самое дорогое, что у меня есть, и я думаю, что мы с тобой ещё поучаствуем в соревнованиях. Конечно, скорее всего проиграем в очередной раз. А если выиграем, тем слаще будет победа!

Неожиданно конь вскочил и, подняв на ноги жокея, встал в боевую стойку, как будто от того проигрыша больше не осталось осадка, да и хромота куда-то исчезла. Жокей, оторопев от увиденного, воскликнул:

– Ну, и куда ты собрался? Раньше надо было так делать, а сейчас, вон видишь, уже все разошлись кто куда. После драки кулаками не машут. Хотя для тебя эта фраза ничего не значит. Да и колбаса из тебя получится так себе. Ладно, пойдём отдыхать. Побеждать потом будем!

Жокей с заботой взял коня за узду, и они вдвоём не спеша побрели к выходу из ипподрома...

Омск, 2015 год

РАЗДЕЛ IV. ОСЕНЬ.

И воздух чист и свеж, как поцелуй сестры.
П. Верлен

Василий Костриков

Омск

Василий Семёнович Костриков (17 сентября 1929 – 12 июня 2007). Родился в хуторе Рябовка Волгоградской области в многодетной семье. В 1941 году 12-летним мальчишкой, когда его отец погиб на фронте, пошёл трудиться в колхоз, чтобы помочь матери воспитать остальных малолетних детей. Работал на металлургическом заводе в Волгограде. Вернувшись из рядов Советской армии, выучился на шофёра. В конце 1954 года переехал в Омск. В 1971 году окончил университет марксизма-ленинизма при Омском

областном отделении Союза журналистов СССР, получил высшее политическое образование в системе партийной учёбы. Писал рассказы, стихотворения, поэмы. Печатался в региональных периодических изданиях.

В командировке

(Продолжение. Начало в № 2)

Утром, когда только стало рассветать, Громова разбудил рокот трактора.

– Уйдёт, – решил он и, выпрыгнув из кабины, побежал напрямую через лес, туда, откуда доносился гул работающего мотора. – Вот повезло, как раз кстати, – подумал Геннадий и выскочил на проторённую дорогу. Но, увы, трактор, поблёскивая гусеницами, уже скрылся за околок.

– Эй, товарищ, стой, стой, поворачивай назад! – закричал Громов и, резко остановившись, посмотрел ему вслед. – Эх, не успел, –

разочарованно махнул он рукой, обиженно зашагал обратно.

Вдруг неожиданно послышались короткие сигналы машины.

– Не может быть, откуда? – обрадовался он и увидел рядом стоящий ЗИС 150, а за его рулём темноволосого молодого казаха. – Послушай, брат, выдери машину, пожалуйста, – сразу, не раздумывая, с тревогой в голосе попросил Геннадий, – всю ночь здесь торчим.

– Твой куда путь держит, не в Троицк? – спросил, улыбаясь, казах.

– Точно, туда, – приближаясь к ЗИСу, подтвердил Кузнецов, – а ты, что, оттуда будешь?

– Да нет, товарищ, я из соседнего совхоза, а езжу через Троицк, потому моя и знает его. А ваш откуда едет?

– Мы, брат, из станции Усть-Бузулука, есть такая на Хопре, в Сталинградской области, слышал? – загасив сигарету, ответил Громов.

– Про Сталинград слышал, про Бузулук нет.

– Так вот, мы из этого райцентра едем к вам на помощь убирать хлеб, примите?

– Ну конечно, наш примет, наш машины во как нужны, особенно в Троицк, там зерна море, возить надо, – жарко объяснял казах, с любопытством рассматривая новичков.

– А что, до Троицка пилить ещё далеко?

– Да нет, тут совсем близко, километров десять осталось, да, в общем, твоя сам увидит, а сейчас цепляй буксир, дёрну.

Через несколько минут газики стояли на сухом месте. Шофёры от души поблагодарили за помощь казаха, крепко пожимая ему руку. Незнакомец отцепил трос, постучал каблуками баллоны, заглянул под капот и, простившись с командированными, сел за руль и исчез за поворотом.

– Флотский, а кто он такой? – поглядывая в сторону ушедшего автомобиля, осведомился Кузнецов.

– Человек, Саня, настоящий человек, – гордо произнёс Громов, – проежал мимо, и, как видишь, мы на старте, едем!

Вскоре дорога стала сухой и прикатанной. Она извилисто тянулась между берёзовых околков, мелкого кустарника. Громов ехал и любовался белым молодняком. Он любил лес и сравнивал его с тем, который растёт на его родине.

– Только там деревья больших размеров, нежели здесь, в Казахстане. Видать, от суровой природы они растут ниже, – заключил Геннадий, всматриваясь в показавшиеся первые крытые соломой и саманом лачуги села Троицка.

Здесь же, влево от дороги, у крайних дворов, на ровной поляне стояли в две линии машины их автороты. Потерявшиеся шофёры поставили свои грузовики в общий ряд и подошли к коренастому человеку, одетому в хромовое полупальто, доложили о прибытии.

– Товарищи, вы где пропадали? – окинув подчинённых строгим взглядом, поинтересовался на-

чальник автоколонны.

– Как где? Алексей Никитич, в лесу завязли оба и до утра звёзды считали, – объяснил Громов.

– Транспорт в порядке?

– Так точно, в порядке, – по-военному повторил шофёр и добавил, – разрешите готовиться в рейс?

– Да, оба приводите себя в порядок, осматривайте, готовьте машины, и на выезд, – распорядился Бубнин и тут же удалился.

– Послушай, Флотский, ты почему сразу напрашиваешься в рейс? – после ухода механика недружелюбно спросил Кузнецов. – Ведь мы только что приехали, нужен отдых. Или ты это просто так финтишь перед начальством?

– Саня, а как на моём месте ты поступил бы?

– А так, – почувствовав своё превосходство, выговаривал Александр, – механик сказал отдыхать, значит, отдыхать надо, а не лезть в хорошие.

– Да, брат, я вижу, тебе бы только отдыхать, – заметил Громов, – а кто нам будет готовить машины к предстоящей работе, механик, что ли?

– А что их готовить? – удивился Кузнецов, – они новые и прекрасно работают без нашего вмешательства. Чем без толку копаться в них, лучше сходить в столовую, а заодно и ознакомиться с деревней.

– Нет, – протестующе заявил Геннадий, – уйти и не приготовить свой грузовик на выезд ни я, ни ты не имеем морального права, а насчёт деревни... Думаю, ничего с ней не случится, если мы ознакомимся позже.

– А-а... как хочешь, – отмахнулся Кузнецов, – пойду один, – и зашагал в село.

– Эх, ты, шофёр, – укоризненно бросил ему вслед Громов, – пустой голове всё трын-трава.

На другой день солнце не показалось ещё из-за горизонта, а гости Казахстана были на ногах. Они суетились у машин и оживлённо разговаривали.

– Заметил, Пётр, – послышался чей-то голос шофёра, – все чем-то занимаются, чистят, смазывают, подтягивают, настраивают, а вот Кузнецов со вчерашнего похмелья не подходит к своей машине, вчера ничего не делал, сегодня не готовится к рейсу, а ведь знает, что скоро выезжать. Зря его всё-таки взяли в командировку.

– Да-а... – протянул Пётр, – я думаю, не получится из него настоящего водителя, потому что больше тянется к стакану, чем к технике, и не вникает в свою работу, а ждёт, пока ткнут носом, как слепого котёнка к соску. Ни самолюбия у человека нет, ни стремления к делу, так болтается парень. Это уже не шофёр.

– К примеру, что плохого можно сказать о комсомольце Громове? Да ничего! Молодой, энергичный, за собой умеет следить, машина у него как игрушка, всегда на ходу, старается человек, не то что Кузнецов вместо дела дрыхнет в соломе и в ус не дует.

– Послушайте, ребята, что вы о нём так работаете? – с усмешкой бросил шофёр бензовоза Скобцов, – ведь у него автомобиль-то новый.

– Так-то оно так, Самсонович, – подтвердил кто-то из участников разговора, – да только и за новым следить надо. Он приехал сюда не к тёще на блины, а выполнять ту задачу, которая возложена на всю нашу автоколонну.

Геннадий Громов невольно слушал осуждающий разговор товарищей и думал: – Ведь правильно они говорят о Кузнецове, что он лодырь, не хочет работать, одна пьянка на уме. С ним срочно нужно поговорить, попытаться поставить на истинный путь, пока чего плохого не натворил и делом каким-то привлечь, но как? И Громов придумал:

– Эй, Саня, помоги! – крикнул он и поставил колесо на ребро.

Александр неторопливо поднялся на ноги, не спеша смахнул с грязной спецовки прилипшую соломку и, наклонив на глаза кепку, лениво приблизился к Геннадию.

– Тут и одному делать нечего. Закинешь, – недовольно ответил Кузнецов.

– Одному не поднять, – спокойно ответил Громов и наклонил колесо на себя. – Раз, два, взяли! – скомандовал он, и запаска полетела в кузов.

Геннадий поблагодарил за помощь товарища, но тут же спросил:

– Саня, а у тебя, что, переодеться не во что? Ходишь в таком неприглядном виде, как ремонтник в гараже! Куртка в пыли, на сапогах вчерашняя грязь, брюки от масла лоснятся, надо же, за неделю так опустился, смотреть неприятно!

Кузнецов неловко скривил губы, взглянул на носки обуви, твёрдо ответил:

– Этим делом, Флотский, я буду заниматься после уборки, дома, а пока в такой глухомани нас никто не видит, сойду в таком обмундировании.

– Значит, можно выделяться среди коллектива своей неряшливостью? Тоже мне, солдат! Брат, где дисциплина, там и порядок, а ты не только сам, но и машина не в лучшем виде. Ты не готовишься в рейс, что ли?

– Как это не готовлюсь? – почесывая небритую бороду, насторожился Кузнецов. – Масло в кастор долил, заправил бензобак горючим, стёр грязь с облицовки.

– Вся работа? – не вытерпел, перебил его Громов.

– Что ещё? – нахмурился Александр, не понимая, что этим хочет сказать собеседник.

– А кто будет проверять давление в шинах, смазывать пальцы рессор, подвесной подшипник карданного вала, валик водяной помпы? Да и вообще разве у машины повседневных дел мало, а ты валяешься, как сурок, в соломе, постыдился бы товарищей.

– Кхы, – улыбнулся Кузнецов, – а что мне их стыдиться, я в карман к ним не залез, а насчёт машины, извини, она у меня на ходу и работает не хуже твоей, понятно?

– Понятно, что пока работает, как все, но надолго ли? Такие-то шофёры, как ты, Саня, злоумышленно портят новую технику, которая из таких рук, как у тебя, преждевременно выходит из строя и идёт на ремзаводы.

Кузнецов резко отвернулся от Геннадия.

– Подожди, – сигналом руки остановил его Громов, – договорю. Если честно сказать, Саня, то твоя беда в том, что ты варварски относишься к своей технике, не бережёшь её, не ухаживаешь, порою ради своего удовольствия гоняешь на повышенных скоростях там, где можно проехать на телеге, а надо работать не по настроению, а по сознанию. Она у тебя долго не протянет, выйдет из строя. Ты слышал, что о тебе говорят твои товарищи?

– Тебе-то что, пусть говорят, – упрямылся Кузнецов, – делаешь своё дело и будь здоров, а меня не тревожь, я перед тобой не отчитываюсь.

– Правильно, я и не бухгалтер, чтобы принимать отчёты от тебя, но ты пойми, дурень, – не унимался Громов, – прежде всего ты человек, член нашего коллектива, работник автоколонны, а раз так, то от тебя требуется систематическая следить за своей быстроходной техникой, которая могла бы безотказно служить тебе днём и ночью. К тому же, конечно, созреть идеологически должен, уметь повышать к себе требовательность, делать всё самому, быть чутким к товарищу, помогать друг другу в беде не только словом, но и делом, независимо от того, где работаешь: в Казахстане или в Усть-Бузулуке. Между нами, водителями, настоящей дружбы пока нет, сам знаешь. Вышла из строя деталь – редко кто выручит, а другие будут месяцами под сидением возить или в ящике – не дадут, мол, свою надо иметь. Завяз, проедут мимо, а другие прежде, чем оказать помощь, без стыда и совести вначале спросят, есть ли у тебя на бутылку. Или ещё хуже, позовёшь на помощь товарища, отказывается, мол, не могу, занят, а сам папиросу в зубы, либо за анекдоты, либо на боковую. Правильно ли это? – отрезал Громов и замолчал.

Кузнецов насунил брови, вопросительно захолопал ресницами.

– Ты что, Флотский, – почти шёпотом выдохнул он из себя, – на вчерашнее происшествие мне намекаешь?

– Да вчерашнее тоже приплюсуй сюда, – спокойно ответил шофёр. – Согласись, ты же поленился у своего грузовика закрепить подвесной подшипник и мне не помог, а там работы-то было всего на десять минут, не стыдно?

– Нет, не стыдно, – вспылал Александр. Я не просил тебя лезть под мою машину и закреплять какой-то подвесной подшипник, мог бы и уехать, а раз затеял всё сам, так зачем теперь упрекаешь в этом меня?

– Надо же, какие претензии! Да если бы я той ночью в незнакомой степи оставил тебя одного, ты бы и сейчас куковал там.

— Ха-ха-ха, — через силу расхохотался Кузнецов, — может быть, у тебя и сегодня появится такое желание подготовить мою кормилицу к рейсу, а? — Вот она, действуй.

— Знаешь, что, Саня, — Громов хотел сказать: не валяй дурака, не успел, их окликнули. — Вероятно в рейс, — подумал он и решительно зашагал к диспетчерской. За ним последовал и Кузнецов.

Прямо в будке автомобиля «Техпомощь» на слесарном верстаке рядом с тисками расположился немолодой седоволосый человек, диспетчер Алексей Иванович Кустов. Он периодически заглядывал в блокнот, лежавший перед ним с незнакомыми ему названиями населённых пунктов, и не спеша выписывал путевые листы, выдавая их водителям.

— Ну, братцы, не поминайте лихом, из расположения уезжаю на неизвестный срок, — расписываясь в получении путевого листа, шутил белокурый молодой шофёр.

— Отчего же так надолго, Коля? — любопытствовали товарищи.

— Как отчего? — принимая строгий вид, удивлённо, с юмором отвечал им водитель, — буду колесить по земле целинной в поисках дороги из Красного Октября на элеватор.

Услышав шутку, шофёры тут же дружно загоготали, а успокоившись, стали давать мудрые советы своему коллеге. Николай кивал головой и громче всех смеялся. Было видно, что водительский состав психологически подготовлен к нелёгкой работе государственного значения. Его не пугали бессменная круглосуточная езда «за баранкой», расстояние, бездорожье, короткий отдых в холодной кабине машины, несвоевременное питание и другие неудобства. Они шутили, смеялись, рассказывали друг другу анекдоты и ждали того времени, когда отправятся на выполнение важного задания. Услышав последнюю фразу шофёра, диспетчер Кустов на минутку оторвался от бумаги, повернулся к нему.

— Товарищ Копьев, по этой земле блуждать вам не придётся, — с уверенностью заметил тот, — потому что от райисполкомов всем колхозам, совхозам дано конкретное указание: на месте погрузки на каждые две-три машины прикреплять проводника-сопровождающего, знающего маршруты, до тех пор, пока вы не ознакомитесь с дорогами на элеваторы в Мамлютку и Петухово. Понятно?

— Ага, понял, Алексей Иванович, — и, махнув рукой, молодой водитель отправился в путь.

Диспетчер пожелал ему успехов и снова зашелестел бумагами. Дождавшись очереди, Громов спросил:

— Я тоже в Красный Октябрь?

— Нет, — взглянув в списки, ответил Кустов, — по составленному графику вам и Кузнецову работа предстоит на самой длинной трассе, будете возить зерно из Пресновки на станцию Мамлютка.

Громов и Кузнецов обменялись задумчивыми взглядами.

— Что не нравится? — заметив их длинную реакцию, спросил диспетчер Кустов.

— Да нет, ничего, — улыбнулся Геннадий и ответил, — вдвоём же веселей.

— Тогда оба расписывайтесь в журнале, и в добрый час, — поторопил их диспетчер.

Шофёры расписались, каждый бережно положил в карман свои документы, и направились к выходу. Вдруг перед самым их носом дверь походной мастерской неожиданно отворилась, и в будку поднялся начальник автоколонны Бубнин. На его худощавом, чисто выбритом до синевы лице была озабоченность. Обращаясь к диспетчеру, он спросил:

— Алексей Иванович, куда направлены эти орлы?

— Алексей Никитич, по существующему предварительному расписанию — на вывозку зерна по маршруту «Пресновка — Мамлютка», — ответил Кустов и снова опустил глаза в списки.

Бубнин согласно кивнул головой, добавил:

— Старшим назначаю Громова. Это приказ.

Геннадий Громов тут же покорно шагнул вперёд.

— Подпишите, — сказал он, и подал механику свой путевой лист.

— Как машина? — поинтересовался начальник Бубнин.

— В порядке, — ответил молодой шофёр, — всегда на ходу.

— Началось, — подумал рядом стоявший Кузнецов и отвёл глаза в сторону.

Уловив недоброе, нервозность во взгляде Кузнецова, механик направился к выходу.

— А ну, пойдёмте, проверю ваших коней, — уверенно сказал он.

Внимательно осмотрев автомобиль Геннадия Громова, Бубнин подписал путевой лист и отдал водителю.

— Свободен, — сказал он и подошёл к грузовику Кузнецова.

Особого осмотра машины опытный глаз механика не требовал, он сразу заметил сухие пальцы рессор, они были смазанными не через маслёнку, как это делают шофёры при шприцовке, а прямо сверху между пальцами и проушинами рессор, где с обеих сторон крупными густыми каплями висел солидол, похожий на зрелый виноград.

Встречать подобное Бубнину приходилось и раньше в автороте, чего он вообще не терпел, и таких шофёров, которые обманывали себя, других, механик строго наказывал, не подписывал им путевые листы на выезд из гаража до тех пор, пока они не приводили в должный порядок свою машину. Вот сейчас Бубнин смотрел на своего подчинённого и строго спросил:

— Товарищ Кузнецов, вы смазывали у автомобиля пальцы рессор?

– Да я, я их, Алексей Никитич, вчера ещё в рейс шприцевал, – не моргнув глазом соврал шофёр.

– Понятно, – произнёс механик и попросил водителя открыть капот.

Указав на небрежный уход за двигателем, Бубнин сел за руль и повёл грузовик на дорогу. Кузнецов лукаво подмигнул Геннадию, дескать, чепуха, и расплылся в неестественной улыбке.

– Ты чего улыбаешься? – не понимая товарища, спросил Громов.

– Знаешь, Флотский, – сквозь смех ответил Кузнецов, – мне смешно над тем, что Никитич сам перед выездом в рейс стал проверять почти каждую машину. Чего в автороте я за ним не замечал, ведь она новая, нужно ли на ней раскатывать?

– Саня, это ты так думаешь, другие понимают иначе, тебе плакать надо, а ты смеёшься, – в недоумении ответил Громов.

– Это от чего же плакать? – посуровел Александр.

– Да от того, что ты и сегодня до выезда в рейс не смазал нужные узлы у машины. Эх, ты, голова, пойми меня правильно, так ты подводишь не только себя, но и наш коллектив в целом.

Кузнецов изменился в лице, плотно сжал губы и, раздражаясь, закричал:

– Ты кто такой, что без конца меня поучаешь и в каждую дыру свой нос суёшь, а? Гений нашёлся, уходи, без тебя обойдусь.

Громов оправдываться и доказывать ему ничего не стал, а лишь подумал:

– Такой человек не поймёт, для него ведь нет никакого авторитета.

Тем временем, описав полукруг, Бубнин затормозил автомобиль, заглушил мотор, вылез из кабины и, обращаясь к непутёвому водителю, предупредительно сказал:

– Вы, товарищ Кузнецов, сегодня в рейс не поедете до тех пор, пока не устраните все неисправности.

– Какие неисправности? – возразил шофёр, – «газик» новый и работает как все.

– Вы что, товарищ Кузнецов, не знаете своих повседневных обязанностей и подготовки автомобиля к рейсу? – спросил механик и перечислил всё, что надо сделать.

– Закончите, доложите о готовности к отправке, – напомнил он.

И направился к соседнему автомобилю, но увидев Геннадия Громова, остановился.

– Кузнецова ждёте?

– Его, Алексей Никитич, – смущённо ответил Геннадий.

– Товарищ Громов, у вашего попутчика сегодня дел много, не теряйте время даром, отправляйтесь в рейс один, – посоветовал Бубнин и удалился.

– Эх, ты, шофёр, – невольно произнёс Геннадий, да ещё слушать не хочешь и другим нервы треплешь! Не я ли тебе говорил, готовься к рейсу! Что молчишь, язык проглотил, что ли?

Кузнецов молча рылся в ящике и подбирал нужного размера ключи.

– Ох, и натура у тебя, Саня, ну как у молодого необученного быка, сопишь, крушишься, и толку мало.

Вдруг Кузнецов в сердцах схватил молоток и, обезумев от злости, замахнулся им на Громова. Но тот умело завернул ему руку назад, вырвал молоток и бросил его под машину.

– Разве этим шутят? – спросил Геннадий.

Александр пропустил предупреждение мимо ушей и на этом не успокоился. Он внезапно круто повернулся, толкнул плечом Геннадия, схватил разводной ключ и, потряхивая им, снова пошёл на обидчика, приговаривая:

– Уходи, умёха, не показывайся мне больше на глаза, а то вот этим ключом в лоб так и врежу!

Громов онемел от обиды, быстро подошёл к своему автомобилю, лихорадочно открыл кабину, сел за руль и покатил в рейс. Кузнецов, широко расставив ноги, неподвижно стоял с опущенным ключом в руке на месте и с завистью смотрел вслед удаляющемуся автомобилю с бортовым номером СФ 41-88, пока тот вовсе не скрылся за поворотом.

Осень стояла на редкость солнечная, сухая и тёплая. Ознакомившись с дорогами, шофёры десятой автороты без усталости, днём и ночью возили зерно на элеваторы в Мамлютку и Петухово. Передовики автоколонны показывали высокие образцы своего труда. Из дальних районов области (расстояние в 150 – 160 километров в один конец) они стали делать по два рейса в сутки. За ними тянулись остальные, но не всем удавалось выделиться. Некоторые из шофёров, загрузившись зерном, уже к вечеру отправлялись вторым рейсом на станцию, куда по пути следования они заезжали в расположение своей автоколонны, которая находилась за 15 – 18 километров в сторону от тракта, где пополняли бензобаки горючим, доливали в двигатели масло, осматривали машины и продолжали рейс.

На разгрузочном пункте появлялись шофёры только к двум – трём часам ночи, где более часа они простаивали у единственных весов элеватора. Там скапливалось до сотни машин на разгрузку. Водители нервничали и упрекали администрацию в том, что на их элеваторе нет той должной оперативной пропускной способности в приёме зерна, которая отвечала бы условиям современности, требовали от неё, чтобы не было простоев, ускорить разгрузку автомобилей.

Руководство «ЗаготЗерно» всячески оправдывалось, не скупилось на обещания: мол, стараемся, всё делаем,отрегулируем и так далее. Но надежда на это была иллюзорна. Шофёры понимали всю сложность такой обстановки, что всё сразу не сделаешь, постепенно успокаивались и, разгрузившись в третьем – четвёртом часу ночи, потом уезжали со станции в село Троицк, куда не

всем водителям хватало духу добраться. Некоторые через несколько километров после выезда с элеватора съезжали в сторону с магистрали, глушили моторы и валялись в кабине спать. А утром, когда поднималось из-за горизонта солнце, они возвращались в автоколонну, где тщательно проверяли, смазывали узлы автомашины, самостоятельно готовились в очередной рейс.

Так шофёры делали только по одной поездке. Но это продолжалось недолго. Через 15 – 20 дней изнурительной работы Громов предложил механику Бубнину перевод всей автоколонны из села Троицк на станцию Мамлютка, чтобы шофёрам дали возможность из дальних колхозов, совхозов делать по два рейса за 16 – 18 часов и после второй разгрузки успевать раньше в расположение автоколонны. Разумное предложение водителя Бубнин согласовал с районным коми-

тетом партии, вскоре вся автоколонна переехала на временную стоянку станции Мамлютка. На новом месте работа водительского состава заметно улучшилась. Они из тех же дальних колхозов, совхозов стали делать по два рейса в сутки, а ближние по три и более. Шоферам дали возможность после первой разгрузки зерна на станции дозаправляться горючим и не делать лишние 15 – 18 километров. В сторону от тракта в село Троицк, куда одновременно отпала надобность возить в такую даль и бензин. Теперь шофёры смело уезжали во второй рейс и возвращались не к трём часам ночи, как это было раньше, а к двенадцати – часу ночи, где после работы они успевали отдыхать, а утром готовить свои грузовики к очередному рейсу.

Продолжение следует

Михаил Козлюк

Екатеринбург,
Свердловская область

Михаил Александрович Козлюк. Родился 12 ноября 1989 года в Свердловске. Печатался в альманахах «Складчина» (Екатеринбург), «Российские поэты. Том двенадцатый» (Москва). А также на различных сетевых ресурсах. Автор сборника стихотворений «Денница» (Москва, 2012) и трёх мистических романов: «Там, где падает снег...» (Москва, 2013), «Там, где идёт дождь...» (Москва, 2014), «Там, где светит Луна» (Москва, 2014).

Деградация

«Mori licet, cui vivere non placet».*

Он жил в одной из тех стран, до которых почти не долетает свежий ветер перемен из-за высоких гор и обширных территорий. В тех краях, где летом земля страдает от невыносимого жара, а зимой промерзает на несколько метров вглубь.

Его серый мир был похож на опустошённый замок на холме, в котором существовал герой одного из фильмов, по имени Эдвард Руки-ножницы, а его окружение напоминало те безмолвные ледяные скульптуры, которые тот вырезал зимой. У него никогда не было настоящих дру-

* «Можно умереть тому, кому не нравится жить».

Рисунок Анны Секериной

зей. Его никто не помнил и не знал. А ещё больше всего он любил тишину и прогулки по вечернему городу.

Ему казалось, что он мыслит и мысли его понятны другим. Но оказалось, что его давно никто не слышит. Это небольшое открытие удручающе подействовало на него. Он перестал вслушиваться в разговоры, которые превратились в звуки. Им овладела апатия. Потом он разочаровался в религиях и словах сильных мира сего. Его перестала интересовать жизнь, как, впрочем, и смерть, меж-

дународная обстановка и ситуация в тех областях, где он проживал.

Вскоре он бросил улыбаться и гулять тёмными извилистыми ночными улочками. Снег, дождь, листопад стали раздражать. В лицах прохожих ему мерещились гаки – вечно голодные демоны. Время окончательно забыло его, превратившись в витрину, через которую он безразлично наблюдал за всем происходящим.

Тогда он попытался укрыться в своём маленьком причудливом мире, но и тот перестал быть

спасительным Ковчегом. Душа его окаменела. Он стал похож на бесплодную тень.

В один из слякотных, бессмысленных дней он перестал существовать. Духи подхватили его и легко понесли куда-то в одну из шести реально-стей. В этот момент густой чёрный непроницаемый мрак рассеялся, и он увидел прекрасный алый рассвет.

– Я свободен... – подумал он.

2014

Максим Пичугин

Таганрог, Ростовская область

Максим Алексеевич Пичугин. Родился в 1979 году в городе Гагарин (Смоленская область). Окончил РХТУ им. Менделеева по специальности «Инженер-биотехнолог». Публиковался в авангардно-литературном журнале «Вольный лист», в литературно-философском журнале «Топос», а также на сайтах самиздата (Стихи. Ру, Проза. Ру) под псевдонимами Максим Денисов, Велосипедов. Увлекался историей, картографией, мистикой, но самым близким, сильным увлечением или даже призванием считает литературу. Живёт в Таганроге. Проводит платные семинары на тему «Что такое «я» человека?».

Записки юного метафизика

(Продолжение. Начало в № 2)

13 октября 2000

Всё больше убеждаюсь, что закон относительности является основным в нашем мире. Это можно увидеть в обыденных мелочах. Например, для меня сотня – уже довольно большие деньги, редко когда у меня в кармане бывает сотня. А для родителей – не такие уж и большие, не говоря о богатых людях, для которых это вообще копейки. Или возмём учёбу. Алгебру я считаю простым предметом, не вызывающим затруднений. Но тот же Юрий скажет, что алгебра – невероятно сложный предмет. Он её еле на тройку вытягивает. Или еда. Для одних устрицы – экзотический деликатес, а для других – мерзость. Я не пробовал устриц, поэтому не могу судить. Для меня они фактически не существуют. Но, когда попробую, непременно

приму ту или иную точку зрения. Примеров можно привести много. И везде неопределённость. Нет ничего абсолютного. Противоречивые утверждения оказываются верными или неверными в зависимости от системы отсчёта. Из этого можно сделать вывод, что мир одновременно существует и нет. Или же существует, пока мы верим в него. Наверно, это основной закон таинственной метафизики. Кстати, попытался узнать у отца что-нибудь об этой науке, но не получил вразумительного ответа.

«Что-то связанное с философией», – только и сказал он. Понятно, про самое интересное как раз никто и не знает. Впрочем, неважно. Главное, ложка. Согнуть хотя бы на миллиметр!

20 октября 2000

Ну почему мы в школе занимаемся такими скучными вещами? Всё труднее становится сидеть на уроках. Каждые 5 минут смотришь на часы: когда же, наконец, перемена. Так и хочется встать и молча выйти из класса под удивлёнными взглядами ребят и учителя. И не возвращаться больше в школу. Наверное, когда-нибудь я так и сделаю. Да, сомневаюсь чтобы в этой четверти обошлось без троек. Компьютера мне не видать...

После уроков меня настиг мой враг из параллельного класса. Небольшого роста, но коренастый, с крепкими руками (он ходит качаться в какой-то подвал и состоит в молодёжной бандитской организации. НГ (ночной город) называется эта банда. Она приводит в ужас таких интеллигентных, воспитанных, никогда не умевших драться школьников, как я. Обычно трясут бабло у пацанов помладше и, конечно, избивают особо дерзких всей тусовкой), он при каждой встрече безнаказанно издевался надо мной, а я ничего не мог поделать. Боялся, малодушничал.

– Здорово, ч...о ушастое, – сказал он, отшивая мне обычный подзатыльник.

Я резко обернулся и окинул его презрительным взглядом. Почему-то впервые я совершенно не испугался и был готов ответить в том же духе.

– Чего вылупился? – гаркнул Ромик.

– Я смотрю не на тебя, а сквозь тебя, – спокойно ответил я.

– Как это? – опешил он.

– А очень просто. Тебя нет. Ты – пустое место и существуешь только в моём сознании. Захочу, тебя и не будет.

Вряд ли он что-нибудь понял, но насмешку в моём голосе почувствовал, сразу взбесился.

– Я тебе покажу пустое место, х...с! П...ы давно не получал? Так это запросто, пошли.

Он схватил меня под локоть и потянул за угол школы, где обычно происходили разборки. Моя минутная храбрость куда-то улетучилась, я покорно и испуганно последовал за ним. Потом Ромик прижал меня к стене и уже было замахнулся, чтобы ударить, но, заметив беспомощный страх в моих глазах, смягчился и буркнул:

– Ладно, х...н с тобой. Давай десятку!

– Но у меня нет ни копейки, – растерянно пробормотал я.

– Кончай п...ть, знаю, что есть!

– Я не вру, честно.

– А если я сейчас сам проверю?

– Проверь.

Он тщательно обшарил карманы моей кожанки, но извлёк оттуда только большую столовую ложку.

Денис Качуровский

Омск

Денис Викторович Качуровский. Стихотворения начал писать с 2000 года. Публиковался в альманахе «Тарские ворота», в литературно-художественном журнале «Иртыш-Омь», в литературно-художественных и публицистических журналах «Водолей», «Вольный лист», «Пилигрим» (при ОмГУ), «Виктория» (народный журнал о духовно-нравственном здоровье людей). В 2009 году в газете «Омский университет» состоялся его дебют. Также были опубликованы произведения в литературных сборниках: «Ласточка» и «Точка зрения». В 2007 году выпустил книгу стихотворений «Прогулка сквозь дождь».

После смерти

Случайно от жизни умру —
 Душа перейдёт в неземное
 Пространство пылает от зноя.
 Блаженным шатёр и оазис покоя
 Чтоб легче спастись в жару.

– А это тебе зачем? Супчик на переменах хлебать? – ехидно спросил он и мерзко заржал. Этот тупой смех отморозков всегда невыносимо резал мой слух, а сегодня особенно. Я мрачно взглянул на него и потянулся за ложкой, но он оттолкнул меня и забросил ложку далеко за школьный забор. Потом буркнул хрипло:

– Давай, пошёл отсюда, салага.

И я повернулся, пошёл, и чуть не споткнулся от сильного пинка, который Ромик отвесил мне сзади. Сжимая кулаки в бессильной ярости, я всё-таки двинулся дальше, не оборачиваясь, провожаемый издевательским гогом. В моих глазах стояли горячие слёзы, и настоящая ненависть разгорелась в сердце.

С...а, сволочь, я никогда ему не прощу этого! Теперь я твёрдо решил, что очень скоро убью Ромика. Непременно убью. Надо только тщательно продумать план. Очень тщательно! Это будет даже не убийство, нет. Разве можно убить пустое место? Нет, конечно. Он лишь неприятная часть моего сознания, которую надо почистить. Да, именно так это стоит рассматривать. Небольшая чистка. Главное, не струсить!

Продолжение следует.

Курю анашу умиленно в раю
 Встречая там с леностью утро.
 Где девственниц целая уйма
 В гареме молитвы орут
 Лежу и в экстазе смотрю на зарю.

Блаженство и нега для слуха.
 С грехами как будто во вшах
 Святых сонм в преклонных летах
 На ложе любовниц греша
 Пойдут к ублажению духа.

От сих созерцаний устав
 Упрямо как дикий ишак
 Лениво решаюсь на шаг.
 Послышится громко: приляг!
 Аллаху читайте устав.

Всевышнему Богу хвала!
 Покойся на ложе блудниц
 Душа снова падает ниц.
 Святого Корана чтецы
 Возносят Аллаху слова.

Паразит

идёт качаясь не спеша
идёт незримо чуть дыша
идёт идёт идёт дрожа
идёт и лапками шурша
идёт она не без греха
идёт а вроде не слышать
идёт сосать а не пахать
идёт по телу как соха
идёт впиваясь в потроха
идёт по шкуре сквозь меха
идёт она не отдыхать
идёт идёт её нехай
идёт от крови набухать
идёт по жизни ей начхать
идёт опять оскалив харю
идёт брюшко раздув в бока
идёт насытившись похабств
идёт слепа идёт глуха
идёт впиваться в плоть стиха
идёт раздавит враз рука
идёт костлявая блоха
сдыхать.

* * *

В «магазин» заскочил, где купить можно книгу
В стихах или прозе, я стану читать
Известного людям писателя Пригова
Но денег на чтиво, увы, не достать

Тогда почитаю другого писателя
Который не пишет совсем ни х...на
Пойду по архивам стопами хранителя
На полках в пыли прочитать имена

Найду на развалах забытое творчество
Стряхну прах времён с пожелтевших страниц
Не вижу фамилию, имя и отчество
Истёрлись из памяти образы лиц

Пишите, писатели, в фонды забвения
Вас много истлело в хранилищах книг
Когда-нибудь письма прочтёт поколение
Пока ваши мысли хранит черновик

Продали последнюю книжку на улице
Лотки опустели – закрыт магазин
Немногие книгами интересуются
Плняясь соблазнами кинокартин.

Зоя Городецкая

Омск

Зоя Павловна Городецкая. Родилась в 1938 году. Её отец погиб на фронте, защищая Родину. Зоя осталась сиротой. С семилетнего возраста работала в деревне: нянчила детей, копала картошку, даже пилила дрова, чтобы только накормили. В 11 лет переехала из села в Новосибирск, где ребёнком устроилась домработницей, вела домашнее хозяйство, нянчила детей в двух семьях. В 17 лет ушла от хозяев. Не было ни жилья, ни образования, ни профессии. Скиталась по людям. После замужества переехала в Молдавию. Стихи написаны в пожилом возрасте, на первый взгляд они кажутся безграмотными, но исправлять текст нежелательно.

Ожидание Сына

Ты Сыночек мой, ты ещё не пришёл домой,
А я жду и жду, и всё тебя не нахожу.
А я жду и жду, и всё тебя не нахожу.
Дорогой Сынок, сколько ты прошёл дорог,
Но одну ты пропустив, и не всё ты и свершив.
Но одну ты пропустив, и не всё ты и свершив.

Гасподь тебя послав и всё тебе он дав,
Иди дорогою прямой и не зайти ты в чужой дом.
Иди дорогою прямой и не зайти ты в чужой дом.
Ты от Отца всё прими и всё сверши,
На Зимли и в небесах яко было в твоих устах.
На Зимли и в небесах яко было в твоих устах.
Зоренька, заря она тебя всегда вела,
Ты Гасподний Сын, и останься им
Ты Гасподний Сын, и останься им
На все года, на все века, яко ты издадека.
И Гасподь видав и вси тебе приподав,
И вси тебе приподав.

1 января 2005 года, Домии

Обращение к Маме

Ой Мамочка, Мама родная, как я скучаю по тебе,
И всё я думаю, мечтаю, когда прилечу к тебе.
Родная моя, как ты заботилась всегда,
И всё прощала мне, как бы ни насолил я тебе.
Мамочка, Мама родная моя, я всегда
вспоминаю тебя,
И ночью ложусь, и днём помолюсь,
Родная моя, когда я с тобой окажусь.
Я очень скучаю, и душа разрывается моя.
Родная, Мамочка моя, как хочу увидеть тебя.
Мама родная, как я не зная, чиво буду скучать
по тебе,

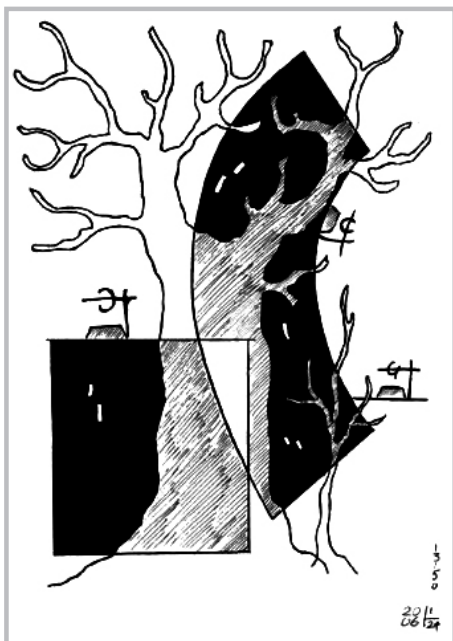

Рисунок Анны Секериной

По твоим рукам, как ты меня обнимала, и все
ты мне прощала.
Мамочка моя, родная моя, никогда не забуду тебя.
Прости меня, что не сберёг тебя,
Я очень страдаю и другого ничего не знаю.
Мама, Мамочка моя, я очень люблю тебя.
Прости меня за всё, что не понимал тебя,
Когда ты меня бранила, и ласки ты мне дарила,
Чтобы я был непорочен и ко всему прирочен.
Мамочка родная, завсегда тебя я вспоминаю,
И стану помнить я всегда, какая ты у меня была.

Мамочка, прости за всё, прости.
Как на закате солнушко зашло,
Так от меня твоё тепло ушло.
Мамочка родная! Мамочка родная! Мамочка
родная!

11 декабря 2004 года, Домии

Веточка

На рассвете все мои и дети,
Они на лавочке сидят, и о жизни говорят.
Как я их и растила, и дуже всех просила,
Вырастайте детки, и знайте, что вы все
от ветки.
Веточка одна – это и земля, и небеса, и поля,
и леса,

А вторая, она всегда иная.
Возведи глаза и посмотри на небеса,
Ты увидишь тучку, она протянет ручку.
А солнушко блеснёт, и ввысь тебя понесёт.
А ты Сыночек обернись и Матушке поклонись.
Матушка твоя, она веточку тебе дала,
Не потеряй её и всё исполнится твоё.
И всю свою печаль ты назадом покидай,
И как солнушко свети, и всем путь ты озари.
А путь твой далёк и долог,
И нельзя возвернуть назад,
Как и времечко нельзя опережать.

12 декабря 2004 года, Домии

Андрей Барабанов*

Москва

Андрей Александрович Барабанов. 29 лет.
Образование высшее техническое. Занимается
Вин Чун, футболом. Пишет книгу пятый год
в жанре фантастики, ужасы.

* * *

Сквозь облака прорвался лучик солнечный
однажды,
Он ярко осветил все тайны комнаты моей
Растаяли сомнения, окутанные фальшью
Так тихо стало на душе израненной моей.

И тени прошлого по стенам больше не ползут
Нашли они себе другую, новую дорогу
Бескрайних мыслей развязался плотный жгут
Всё в ярких красках светится, и ближе мы друг
к другу.

К большому каравану жизни нас прибило резко
Тут вроде просто всё, но всё же спотыкаемся
чутко

Нам выпить бы вина краснющего покрепче
Дорога дальняя лежит пред нами, и светло вокруг.

Я обниму тебя, как раньше, к сожалению, не мог
Сожму я руки нежные твои, как раньше
не пытался

И поцелую долгому, конечно, выпал срок
С тобою на века я буду жизнью
наслаждаться.

* * *

Когда увидимся с тобой, моя родная?
Мой прах день ото дня всё ближе к твоему
И с каждой секундой в ветрах сильнее угасаю
Мне пыль глаза проела, смотреть я больше
не могу.

Когда обнимемся с тобой, мой ангелочек?
Всё тело шрамами моё покрыто, всё болит
Ты дай, прошу, мне хоть один глоточек
Последний поцелуй, и я уйду во тьму.

Когда, скажи, мы будем вместе навсегда?
Спина к спине, стоим мы очень долго
И, кажется, вода, что свята, утекла
У каждого теперь своя дорога...

* * *

А снег, как оказалось, сильное лекарство
Он лечит раны всяки, от хандры
Снимает боль, что любит пьянство
И нежно прикрывает одеялом белым от беды.

Он тихо падает в пространстве
Где вечно мучаешь себя порой
А снег ведь верное лекарство
Он просто падает, и на душе твоей покой.

Чуть ветер посильнее дунет
И ног промокших мучает мороз
А снег, наш друг, своею красотой очарует
И через несколько мгновений забываешь боль.

Окутанный теплейшим белым одеялом
У дома старого я твоего стою
И сигарета блёкло гаснет
Мне кажется, что вот-вот умру.

Фонарь, замызганный крутыми поворотами
Бледневший свет, что дарит он сейчас
Накроет пеленою, изогнёт он нас
Давай прощаться, и в последний час...

* * *

И солнце ярче светит нынче
И воздух будто вкус обрёл
На небе синем жаром пышет
Любовь, которую недавно я нашёл

Она сильнее день ото дня тревожит
Все ночи в сказку превращая
Быстрее ветра, накрывая, гложет
Реальность всю, безумством наполняя

Через глаза твои я вижу мир иной
В нём места нет ни страху, ни упрёку
В нём сотни чувств текут спокойною рекой
В нём царство счастья гармонирует с эпохой

За каждый день с тобой молюсь я неустанно
И боги все красивы в этот миг чудной
И слово «навсегда» я говорить не перестану
Ведь ниточкой судьбы мы сотканы с тобой

О красоте твоей твердить не устаю я
Стеснение твоё – милейший дар, как плода сок
Спустя секунды с губ твоих летят слова
«люблю я...»

И в этот миг меня стирает время вновь

Пройдут десятки, сотни лет лениво
Всё так же будет время жечь людей
Но небеса, что помнят твоё имя
Любовью озарят всё до скончанья дней.

* * *

Ты – исключение из правил
Тех правил, что написаны судьбою для меня
И если что, то всё бы сразу я исправил,
Но нет на свете счастья без тебя

Ты – исключение из правил
Тех правил, что беспрекословно соблюдаю я
Забыв одно, второе прикрываю
Тем фактом, что нет жизни без тебя

Ты – исключение из правил
Тех правил, что годами зрели в голове
И я б от боли и мучений всех себя избавил
Но страшно жить мне без тебя во сне

Ты – исключение из правил
Удар, чьей силе не могу я помешать
Ты ветер, что стирает память
Огонь, в котором вечно буду я сгорать

И вот стою один я, жизнь свою исправив
Разубедив сто раз себя, что исключений нет
Улыбкой нежной ты одаришь в сладость
Ты – исключение из правил, тех правил,
коих больше нет.

Рисунок Анны Секериной

* * *

Сквозь занавески льётся блёклый свет
На потолке застыли островки печали
Привстав с дивана, понимаю, что боюсь
Увидеть пустоту, что прорастает между нами.

Весь пол пропитан лёгкими шагами,
Что оставляла ты в тот дивный день
Качели скрипные давно устали
Качать меня, вгоняя в тень.

По памяти своей тоскую неприглядно
Пластинка старая давно играть не хочет
Молюсь я Богу неустанно
За всё бывшее, что уйти не может.

Твой образ по ночам меня тревожит
Сластейший голос твой зовёт назад
И на прощанье мыслью старой гложет,
Оставив под конец лишь взгляд.

В заброшенной и ветхой комнате сквозь годы
Ветра холодные устанут прах мой разгонять
В комоде старом, захламлённом горем,
Навеки фотография любви моей останется лежать.

РАЗДЕЛ V. В ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЛЕСАХ

Елена Земцова-Кузина

Бельгия

Бельгия. Воспитание «стукачей» или граждан?

С первых дней обучения в начальной бельгийской школе ученикам не ставят оценок – им выдают карточки, число которых играет роль в подведении итогов по успеваемости и поведению.

Если учителю необходимо в течение урока выйти из класса, он выставляет к доске самого лучшего ученика, чтобы тот наблюдал за поведением и потом докладывал учителю, кто нарушал дисциплину. У нарушителя изымается одна или сразу несколько карточек, в зависимости от тяжести совершённого им проступка.

Большое число русских родителей, живущих и воспитывающих своих детей в Бельгии, озадачено вышеизложенным фактом. По их мнению, детей сознательно приучают к такому действию низкого порядка, как «стукачество».

На этот счёт хочется привести некоторые примеры из жизни наших соотечественников в Бельгии. Они как раз возвращаются в бельгийских коллективах, где люди воспитаны на таких «педагогических» принципах.

Андрей:

– Иду на собеседование в одну фламандскую организацию, чтобы устроиться туда на работу. В коридоре около кабинета встречаю свою знакомую бельгийку, которая, как выяснилось, там работает. Я ей по-дружески делюсь, что, мол, волнуюсь, так как считаю это собеседование очень важным, ну и прочее в том же духе.

Вхожу в кабинет. Она следом. Там сидят чиновники, и перед ними лежат мои документы. Не успел я и рот раскрыть, как моя фламандка говорит им о том, что я очень взволнован, потому что считаю эту встречу очень важной, ну и всё слово в слово выложила... Я ей, понимаешь, как знакомой, а она всё рассказала!..

Валерия:

– Когда в городе, где живу, ещё не было русских, я завязала знакомство с одной фламандской семьёй. Эти милые пожилые люди часто приглашали меня на чашечку кофе для бесед и всегда возвращались к теме моего приезда в их страну, точнее – к причине моего приезда именно сюда. Приходилось рассказывать свою историю, но с просьбой, что её больше не узнает никто. Они утвердительно кивали, убеждая меня в том, что эту тайну они унесут с собой в могилу.

Через три года я познакомилась со своим будущим мужем. Когда он узнал моё имя – сразу же выложил мне всю мою историю, но только в вопросительной форме. Оказалось, что почти весь город знал меня и мою причину приезда сюда, и, как выяснилось, я целых три года была объектом обсуждения местных жителей!

Виктор:

– Я учился на строительных курсах. На занятиях нас учили класть кирпичные стены раз-

личных вариаций. Потом мы их разбирали. У меня был напарник – весёлый фламандский парень. И вот как-то наш преподаватель велел нам разобрать все стены и вышел из мастерской. Тот парень, что работал со мной в паре, выбил из центра стены один кирпич, вставил в дырку палку от щётки, которой пол подметают, и начал просто «прикалываться», воображая, что у него в руках ружьё. Как ребёнок, стал имитировать звуки выстрелов. Все стали громко смеяться, и было им очень весело. Когда же неожиданно вернулся преподаватель и спросил причину коллективного смеха и кто был его инициатором, то все как один (я не преувеличиваю!) указали на моего напарника.

...По вышеперечисленным примерам вырисовывается стереотип бельгийца – человека убийственно «правильного» и законопослушного. Когда в бельгийских коллективах все дружно «закладывают» виновного, то таким образом, по их мнению, «восстанавливается справедливость». И им уже не важно, что будет с виноватым. Таким образом воспитывается своеобразная ответственность, своеобразное чувство гражданского долга и послушание приказу.

Русские люди, живущие в Бельгии, сильно озадачены подобной психологией. Ведь они учат своих детей обратному – не показывать пальцем на виновного, а дать ему возможность самому найти в себе силы признаться в содеянном. Здесь же человек с детства приучен сигнализировать о нарушении порядка.

Русскоязычные родители не могут смириться с этим. Их пугает то, какими вырастут их дети – ведь сформированные школой взгляды на моральные устои будут идти вразрез с воспитанием в своей семье! Впрочем, многие «наши» быстро адаптируются к бельгийскому принципу информирования и после откровенных разговоров с соотечественниками... Тоже охотно «стучат» заинтересованным органам и лицам. То ли за «сладкие коврижки», то ли просто для морального удовлетворения.

В Бельгии у детей, получающих за доносы хорошие оценки, формируется стереотип ябедничества как способа законного «заработка». Кроме того, ребёнок считает, что так надо для порядка и это правильно.

Ну а потом дети вырастают и становятся полноправными членами того общества, которое их воспитало...

Но как бы то ни было, а «стукачество» в той или иной форме в Бельгии служит гарантией отсутствия беспредела – чиновничьего, криминального и просто морального. Кстати, что здесь ещё хорошо – бельгийцы не лезут в чужие дела. В Германии с этим намного хуже, а в Японии доносительство вообще считается гражданским долгом.

...Плохо это или хорошо, но боязнь наказания – очень сильный сдерживающий фактор. Бельгийских детей с самого раннего возраста приучают к тому, что закон есть закон. Ну а в обществе, где «стукачество» презираемо, например, в России, и преступность, и коррумпированность намного выше. И где искать ту «золотую середину»?

Безусловно, закон должен выполняться, и плата за нарушение не должна быть символической, как это часто бывает в России. Исполнение закона нередко основано не на высоких моральных принципах, а на низменном страхе – сесть в тюрьму, быть уволенным с работы или заплатить большой штраф. Но бельгийская методика «вбивания» этого страха в детей претит русскому человеку.

Разумеется, у каждого государства своя программа, свои принципы воспитания подрастающего поколения. Уклады в школах разных стран не всегда совпадают с нашими мерками морали, и это не значит, что их уклад неправильный. Если благодаря такому воспитанию детей общество процветает, люди вырастают добрыми, законопослушными, всегда готовыми прийти на помощь – значит, такой метод воспитания себя во многом оправдывает. Или как?

Газета «Четверг» (Омск), 13. 11. 2003

Виктор Власов

Омск

Виктор Витальевич Власов. Руководитель литературного журнала любителей «Бульвар Зелёный».

Произвол ЖКХ по-сибирски, или «Вор должен сидеть в тюрьме»

Сижу я, значит, не в тюрьме, не подумайте, кушаю перед экраном телевизора картошку фри,

смотрю свою любимую программу «Право голоса» с товарищем Поповым. Наслаждаюсь резкими высказываниями известных политических деятелей с той (украинской) или с другой (российской) стороны, как вдруг раздаётся громкий стук в дверь. Моя раздражённая бабушка (она тоже любит эту передачу) вскакивает с дивана и бросает в маленькое пространство зала:

– Кого там неладный принёс? Сейчас пару ласковых скажу!

Мы принимаем рослую (около двух метров) тётю Марину по прозвищу «Гарын», которая жалуется на председателя ТСЖ – тётю Иру «Рыбину». Говорит, что Ирочка утаивает деньги от жильцов. Делает ремонт подъезда и тратится по минимуму.

Собственно, деньги взяты, а ремонта – тю-тю. На что, думаете, она купила шубку беличью? И на такси стала ездить чаще? Как придёт на остановку, так в автобус не затащишь и волоком. Ещё, по словам тёти Марины, у Ирины Сергеевны связи в мэрии, в ФСБ и в Горгазе одновременно. На неё просто нереально «пошить» дело. Себе будет дорожке, а нервные клетки лучше не восстанавливать пивом или водкой – можно уйти в запой.

– Киллера наймите, тётъ Марин, – предлагаю с полным ртом. – Или я могу черкануть пару строк. Но с вас – магарыч.

А она не останавливается – всё знает про тётю Иру. Её ночью подними и спроси – выложит, как генерал Э. Редер А. Гитлеру или товарищ Л. Берия – Иосифу Сталину.

– Такси, такси, вези, вези!.. – зовёт Ирина Сергеевна певуче, звонко, помахивая рукой с пальчиками, поблёскивающими золотыми колечками. На двух вроде бы есть бриллианты.

Впрочем, история эта была давно и неправда, как говорится. И в суд вроде бы не обращались, но не стану выдумывать. Однако проблемы ЖКХ и управление ТСЖ – это так сказать «болезнь» плохо излечимая. В Омске проблемы ЖКХ – это как ВИЧ-инфекция, а управление ТСЖ – вирус, разносящий её. Вместе они есть, и через микроскоп видны даже бациллы, но врачи-эксперты-жильцы даже через суд ничего не могут добиться. Повсеместные проблемы с отмыванием денег, с утайкой расходов – это эпидемия и не только омская.

Беру цифровой фотоаппарат, который купил ещё в США, в Северной Виржинии, если точно говорить, еду далеко, через весь город. На улице Магистральной, 18 возле элитного дома меня встречает множество жильцов. В основном женщины. Да, я кумир девчонок, как Рикки Мартин или Казанова. Очень зрелых, после тридцати пяти, тоже люблю, кстати. Хотя, что я такое говорю, женатый-то человек? Прошу прощения. Иногда, вырывается. Никому не говорите и не показывайте. Для острастки со мной торопится верный и мощный боец – Анастасия Орлова. Одним своим видом она может напугать кого угодно и заставить

расплатиться по долгам. Она идёт в качестве второго журналиста и оператора моей американской камеры. Будет писать статью для коммунистической газеты «Красный путь», а также обещает прислать дубль в «Нашу молодёжь» – для отчёта Владимиру Владимировичу Путину, так сказать.

Настя снимает два десятиминутных видео сразу, неторопливо обводя страждущих выдвигающимся прицелом моего цифрового «Канона». Жильцы жалуются отчаянно и неустанно, буквально требуют помочь, рассказывают и рассказывают. Кажется, не будет конца их жалобам и стенаниям. По их словам, председатель ТСЖ Кривко Любовь Фёдоровна – демон из японского мультлика «Миджа», буквально насилующий всех морально и физически, «чёрная дыра», поглощающая светлую материю вселенной. К сожалению, время съёмки заканчивается – попросту переполняется память флеш-карты. Я достаю блокнот и шагаю за Натальей Сутуриной и Галиной Сандуленко. Мы с Настей попадаем в аппараты и слушаем дальше.

– Непонятно куда идут наши деньги, Виктор, здесь нецелевое использование средств, – объясняет Галина Викторовна Сандуленко. Она сидит напротив меня, а я попиваю ароматный чай и быстро ем вкусные конфеты-трюфеля (правда, вкусные). Я голодный, признаюсь. Им бы меня котлетами накормить и картошкой-толчёнкой. Налить бы красного вина. Это фантазирую, не обращайтесь внимания. Сосредоточенно слушаю обиженного жильца.

– Отчётов перед собственниками жилья нет, а те, которые она предоставляет, не имеют юридической силы, – продолжает она. – Кривко единолично заключает договор с человеком, который будет работать. С февраля 2011 года и по декабрь 2013 года не была собственником. Это выяснилось в ходе судебных разбирательств. По уставу и по жилищному кодексу она не могла быть не только председателем правления ТСЖ, но и просто его членом. В августе 2013 года подделав протокол собрания собственников ТСЖ, она продлила свои полномочия как председатель. Впоследствии это собрание было признано недействительным судом CAO г. Омска. Неоднократно собственники обращаются в ОБЭП с просьбой о проведении проверки деятельности ТСЖ, но те присылают однотипные отписки. Оперуполномоченный Хасанов приходит к Любви Кривко, она его кормит (прямо как меня, только, может, плотнее) и тот утверждает, что всё на месте, нормально, и она – замечательная женщина.

Жильцы Магистральной, 18 несколько раз обращаются в прокуратуру CAO г. Омска и в областную с просьбой разобраться в делах ТСЖ,

но приходят отписки. Обращаются в Государственную жилищную инспекцию, потому что Кривко необоснованно получает заработную плату. Размер полочки и другие вознаграждения определяются общим собранием собственников, но таких с 1 июля 2011 года не было.

— Летом 2014 года у Кривко якобы подожгли машину, так она включила в список подозреваемых людей, участвовавших в судебных разбирательствах, — качает головой Галина Викторовна. — К нам приходила полиция и просила показать одежду — подозреваемых искали по цвету... Как утверждают жильцы, в три часа ночи видели Кривко с мужем... они были около машины с какими-то ведрами. Через сутки буквально они уже ездили на этой машине, и мы не видели там ничего обгорелого. Что касается самой Кривко, то соседям постоянно звонят из коллекторской конторы и напоминают, что Любовь Фёдоровна должна банку «Русский стандарт». Разыскивают.

— Факты давайте, факты! — прошу я, исписывая страницы блокнота.

— Виктор, дом наш относительно молодой, он с 1999 года, что его ремонтировать? — добавляет Галина Викторовна. — Мы обращались в прокуратуру, надо бы проверить вывоз мусора, металлолома, коммунальные тарифы и исчезновение со счёта ТСЖ «Первомаец» за 2013 — 2014 трёхсот тысяч рублей. Там ответили, что всё вывозили недавно, но Кривко выдано предписание, чтобы исправила незначительные нарушения. Одно из нарушений — это как раз нецелевое использование средств со статей по текущему ремонту — на оплату ресурсно-снабжающей организации. Вскоре мы просили штатное расписание с фамилиями и должностями, окладами также, а суд вынес решение, что это конфиденциальная информация. В членах правления ТСЖ у нас числится Ортман Татьяна Владимировна, в суде она представляется генеральным директором Строительного Треста № 6. Эта организация и строила наш дом. Когда полиция приходила к нам, то с ходу задавала риторический вопрос, а знаем ли Чебыкина и Ортман... Первый, я знаю, владелец треста, а вторая — его сотрудница. В этом тресте работают лучшие юристы города, что мы там выиграем?

— Ага, отмывание денег! — я заключаю как эксперт. — На местном уровне вряд ли что-то получится, коли отовсюду приходят одни отписки.

Я знакомлюсь с письмами в прокуратуру, изложением ситуации. Кривко не пытается улучшить ситуацию, хотя этот вопрос поднимается на собраниях. В подъездах грязь, паутина. Техничку видят раз в два месяца, и толку особого нет. Краска на стенах облупливается, старые деревянные

стеклопакеты, через которые задувает ветер. Недавно поставили датчики движения на свет в целях экономии электроэнергии, вот только лампочки перегорели, и никто не собирается их менять. Кривко подаёт в суды и нанимает юристов, хотя в уставе прописано, что эти действия можно производить только с согласия собственников либо правления...

Действительно, в доме 18 на Магистральной провели капитальный ремонт, хотя зданию 14 лет, видимых причин на его проведение не было. Независимой экспертизы не проводилось. Капитальный ремонт был основан на нескольких заявлениях собственников о протекании крыши. Оказывается, крыша и сегодня подтекает. Со всех собственников были взысканы баснословные суммы. С Натальи Сутуриной, например, около 50 тысяч рублей. Но стоит заметить, что с 2004 по 2013 годы в квитанциях была отдельная строка «капитальный ремонт». По подсчётам группы жильцов, за это время за ремонт они заплатили более 40 тыс. рублей. Но Кривко эта сумма не учтена.

Записываю и признаюсь, что материал этот пахивает подъездной сыростью-прогорклостью и помойной гнильцой. Лично меня не вдохновляет тема ЖКХ и вечные проблемы жильцов и ремонта. Я обещаю помочь вынести суждения людей

дальше, чем улица или подъезд. В этом мне помогут верные корреспонденты, которым небезразлична судьба дома и людей. Я верю, что жильцы на Магистральной, 18 (они: владельцы аптек, бухгалтера и юристы) — люди грамотные и зря не стали бы обращаться за помощью к журналистам. Пора предать огласке то, что происходит почти по соседству, пора правосудию восторжествовать.

— Виновные будут наказаны! — говорю я словами своего любимого актёра

Дольфа Лундгрена из старого американского фильма «Палач».

Настя покидает заряженную негативно территорию дома с распухшей от жалоб головой. Глаза у неё красные, словно у зомби из популярного сериала «Бродячие мертвецы». Моя же голова болит не меньше, и чувствую давление. Нас чуть в печке не сжигают — эмоциональной. Несколько позже мне приходит на электронную почту фото постера с Кривко... и со словами Глеба Жеглова:

— Вор должен сидеть в тюрьме!

(Глеб Жеглов)

Комментаторские приколы

1. Конечно, у нашей сборной в сегодняшнем матче были ошибки. Да плевать на них! Наша команда исправится в июне. Мы поедem на чемпионат Европы по футболу и докажем: русские способны на подвиги!

2. Игроки «висят» на жёлтых карточках.

3. Ибрагимович бьёт по мячу, как будто гвозди пытается забить своими железными ногами.

4. На трибунах расположились миланские болельщики «Интера».

5. Если игра в футбол для бразильских мальчишек остаётся единственным средством к существованию, то наши российские парни не понимают, для чего они вообще выходят на поле.

6. Билялетдинов, Сычёв, и ой-ой-ой... Опять сорвалась нелепая атака нашей сборной.

7. Нильсон впервые признался футбольной общест-венности в своей нетрадиционной сексуальной ориентации. Поэтому, если после завершения карье-ры он захочет стать судьёй, болельщики на трибунах могут спокойно показывать всё что угодно. Ему уже ничего не угрожает.

8. Сычёв ударил по мячу, что кончики пальцев зазвенели у Ван дер Сара.

9. Ибрагимович, несчастный ка-ратист, в полёте всем игрокам от него досталось.

10. Сделай паузу, скушай этот момент до конца. Другого момента не будет.

11. Сейчас Горшкова хорошо подлатают, помогут, почистят от грязи, ссадин и снова отправят на поле, в бой, в мясорубку.

12. На поле он незаметен, но своё рыжее дело делает.

13. Он разбежался и точно ударил мимо ворот.

14. Леман мог таким ударом кому-нибудь из сопер-ников «засветить». Рука у него не человеческая.

15. Вратарь вышел из ворот, чтобы помочь соперни-ку забить мяч в свои ворота.

16. Александр Максим из минского «Динамо» — это то же самое, что Александр Глеб из «Арсенала».

17. Нехорошо со стороны турок получается, они на-грузили ветерана Лемана. Но что поделать, полуфи-нал, придётся ему отбиваться.

18. На поле играют Раков, Лебедев, Эду — это наши русские рак, лебедь и щука.

19. Кержаков аплодирует аплодирующим трибунам.

20. Овчинников напугал своим видом македонского игрока, и тот не смог реализовать пенальти.

Литературный журнал любителей

БУЛЬВАР ЗЕЛЁНЫЙ

№ 3, февраль 2015 г.

Дорогие авторы!

Журнал «Бульвар Зелёный» выполняет редакторскую и корректорскую работы в помощь при издании книг, брошюр. Также наша редакция выполняет рецензирование рукописей, проводит тематические консультации с авторами.

Расценки — ниже существующих на рынке.

Каждому автору предоставляется по одному экземпляру журнала.
Дополнительные номера «Бульвара Зелёного» можно приобрести у членов редколлегии.

Приглашаем всех желающих
в группу журнала «Бульвар Зелёный»
«ВКонтакте»

<http://vk.com/bulvarzelyonyiy>

Подписывайтесь на канал
Виктора Власова в YouTube,
смотрите видеоотчёты редколлегии,
следите за новостями литературы из
жизни Омска, оставляйте комментарии!

Журнал «Бульвар Зелёный»
принимает рекламу от заказчиков.

Перечислить взносы за публикацию можно:
Карта Сбербанка: 4276 8450 1357 1036
Яндекс. Деньги (кошелёк): 410011031968346
WebMoney (кошелёк): R210189836212

Или на почтовый адрес одного из членов редколлегии.

При отправке денежных средств не забывайте о процентах с комиссии!